

Мум

СНЕЖАНА
КАРИМОВА

KompasFantasy

Снежана Каримова

Омут

ИД "КомпасГид"

2021

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445

Каримова С.

Омут / С. Каримова — ИД "КомпасГид",
2021 — (KompasFantasy)

ISBN 978-5-907514-70-6

У каждого человека есть омут – тягучее озеро из тоски, разочарования и других темных чувств. Он расположен там, где сердце, и похож на дыру в груди. Когда человек спокоен и счастлив, омут уменьшается и бесам сложнее проникнуть внутрь, а люди, которым приходится тяжело, становятся для них легкой добычей. Цветане пятнадцать, и с виду в ней нет ничего примечательного. Девушка даже не подозревает, что внутри нее растет омут. А все потому, что Цвета чувствует себя бесконечно одиноко: ее не замечают в школе, друзей нет, и даже матери нет дела до проблем дочки. Устав от жизни без любви и привязанности, Цвета решается на отчаянный шаг – уговорить свою бабушку-знахарку сделать приворот, но та отказывается. Так бы Цвета и вернулась домой с пустыми руками, если бы не встретила Бесену. Бесёна – настоящий маленький бес в обличье светловолосой девушки с зелеными глазами и пучками-рожками – предлагает сделку: взамен помощи она одалживает у Цветы тело на три дня. Вскоре Бесена обнаруживает, что девочка не так проста, как кажется: она не человек, а дух, лесной подмыш-древляница в человеческом облике, которые не доживают до 16 лет. Только настоящая любовь может спасти Цвету, но времени у нее практически не осталось. Какой выбор сделает Бесена: поможет девушке или предпочтет воспользоваться возможностью и остаться в мире людей, чтобы вдоволь насладиться его чудесами? Снежана Каримова была отмечена несколькими литературными премиями, ее книга «Приплывший дом», изданная «КомпасГидом», в 2020 году вошла в лонглист премии Крапивина. В новом романе «Омут» читатель вместе с Цветаной и Бесеной погружается в мир, полный хитросплетений добра и зла, дружбы и предательства, где каждая из героинь стремится понять для себя, что же такое любовь.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2=411.2)6-445

ISBN 978-5-907514-70-6

© Каримова С., 2021

© ИД "КомпасГид", 2021

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	40
Глава 9	42
Глава 10	43
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Снежана Каримова

Омут

© Каримова С. С., текст, 2023

© ООО «Издательский дом «Тинбук», 2023

* * *

СНЕЖАНА
КАРИМОВА

Омут

КомпасГид
издательский дом
2023

Пролог

2 октября

Говорят, что если ампутировать ногу, то человек иногда все равно чувствует ее, машинально тянется почесать пятку, ощущает боль в призрачной конечности.

Цвета накрепко запомнила эту историю, которую ей еще в начальной школе рассказала соседка, работающая медсестрой.

– Схема тела, – выдала медсестра, словно озвучивая диагноз, когда маленькая Цветана однажды описала ей свои необычные... сны?

– Схема тела, – повторила Цвета, невольно рисуя в мыслях красный кружок сердца, а от него стрелочки к другим кружкам: голове, легким, рукам, ногам. А ведь есть еще печень, уши, глаза, желудок... Волосы тоже считаются? Нет, если их отрезать, волосы не болят и, хотя хочется привычно провести ладонью дальше, пальцы соскальзывают в пустоту.

– Да, схема тела. Мозг твой, – тетя Оля постучала себя по лбу, – вернее, твое сознание имеет представление, как устроено это самое тело.

Сознание. Цвета попыталась переместить главный красный кружок из сердца в голову своей воображаемой схемы, но у нее не получилось. Не ощущает она схему тела этим самым сознанием.

– Но у тебя руки-ноги на месте, не переживай, всё на месте! – бодро заключила тетя Оля. – Так что ничего страшного. Соблюдай режим, ешь больше овощей, фруктов и не смотри всякую дрянь на ночь...

Сейчас девятиклассница Цвета лежала в постели и прокручивала в голове этот давний разговор. У нее и правда все было на месте.

Но в то же время не было ничего. Она не чувствовала боли, а еще тепла или холода, вообще не ощущала свое тело, не могла пошевелить собственными руками и ногами, даже глаза открыть не могла. Цвета словно оказалась в саркофаге. И какой толк в том, что все на месте? Человек чувствует боль даже в ампутированной ноге, а она не чувствует ногу, которая у нее есть.

Цвета попыталась представить свое тело до мельчайших подробностей, нарисовать в голове эту самую схему себя. Вдруг, если вспомнить каждую деталь, она сможет вернуть свое тело? Цвета так однажды описывала в объявлении о пропаже свой кошелек. И его вернули.

Волосы длинные, темно-русые. Нос острый, губы тонкие, родинка на правой щеке. Мама говорит, что это родимое пятно похоже на сосновое семечко – зернышко с одним крылышком.

Одно крылышко – звучит грустно, Цвете не хотелось бы иметь такой тотем.

Так, что дальше? Белые пятнышки на ногтях. Указательные пальцы на ногах длиннее больших пальцев. Кстати, на ногах ведь эти пальцы тоже называют указательными? Надо будет зауглить. Когда получится.

С Цветой все было в порядке. Просто иногда тело вдруг переставало слушаться, будто отделялось. Сама Цвета просыпалась, а вот тело – нет.

«Гугл» говорил, что такое состояние называется сонным параличом, и вторил медсестре: ничего страшного. После тридцати пройдет. Цветане было пятнадцать. Осталось подождать еще столько же – и все пройдет. Это звучало как насмешка, ведь минуты в таком состоянии становились тягучими, вязкими. Было страшно лежать в ожидании, пока снова приклеишься к телу и сможешь им управлять. Так себя чувствуют парализованные люди? Тоже думают, что тело им не принадлежит?

Будто одолженное. Или украденное...

Цвета знала, что должна расслабиться. Хотя бы попытаться. Этот ступор не опасен – все так в интернете пишут; просто мозг проснулся, а тело еще нет. Но вдруг оно больше никогда

не проснется? Откуда ученые взяли, что такое «отлипание» сознания неопасно? Похоже на ту самую ошибку выживших, когда дельфинов считают добрыми, потому что они толкают людей к берегу, а кто расскажет, скольких они унесли в открытое море? Вдруг Цвета уже в открытом море и никогда больше не вернется в свое тело, вдруг просто скажут, что она умерла во сне?

На Цвету нахлынула паника. Мысленно она закричала и продолжала орать до хрипоты: «Мама! Мама! Лорд! Граф!

Разбудите меня!» Но наружу не вырывалось ни звука, и никто не спешил ей на помощь. Мама спала в своей комнате, лабрадоры делили коврик в прихожей. Псы бурчали на каждый шорох за дверью, но даже их чуткий собачий слух не улавливал ее отчаянных криков.

Никто ее не спасет. Прощайте!

Цвета вздрогнула так, что ее будто подкинуло в постели. Но нет, она спокойно лежала под одеялом. Хотя тут же резко села.

Уф, вот ее руки, ее ноги, пальцы шевелятся, голова поворачивается. Глаза видят яркие розовые обои и приклеенную скотчем картинку – страничку из детской книги. На иллюстрации златовласая Дюймовочка и принц в короне стоят на цветке. Да, она видит.

Тело вновь ее. И Цвета снова целая.

Это должно было радовать. И порадовало на короткий миг.

А потом она посмотрела в окно и вспомнила, что ей сегодня предстоит.

Глава 1

Помогите найти

6 октября

– Ну и жарища! – Демьян расстегнул куртку. – И не подумаешь, что уже октябрь. Хоть в футболке ходи!

Демьян, которого все звали просто День, прищурился и поглядел на солнце. Оно напоминало медузу, раскинувшую в стороны золотистые щупальца.

– Так напялишь на себя тыщу свитеров, еще куртку сверху, и ходишь потом вздыхаешь, – фыркнул Ром по прозвищу Ночка.

Сам он был в легком черном плаще и тонком, опять же черном джемпере.

– Не тыща у меня свитеров, а одна толстовка! – День скинул синий капюшон со светлых мягких кудрей. – Да и утром холодно было, туман еще такой мерзкий!

– Так ты не калиновыми мостами ходи, а человеческими тропами, – не отцеплялся Ночка. – Там теплее, поверь.

– Ты мне лучше скажи: тебе самому-то сейчас как? Солнышко не жарит? Как вы, вампиры, или, верней, упыри, от солнца спасаетесь? – начал в свою очередь подкалывать друга День. – Твой черный плащик не сильно печет? Огнетушитель с собой взял? А то вспыхнешь еще, что я делать буду? Зефир жарить?

Ночка снова фыркнул, а День все не унимался:

– Или ты в креме с SPF-100 прямо в плаще замачиваешься?

– Нет, я в таком креме топлю тех, кто зовет меня готом или упырем! – огрызнулся Ночка.

Некоторые – особенно парни, не понимавшие, почему к Ромке Князеву липнут чуть ли не все девчонки в школе, – и правда дразнили Ночку готом и вампиром. День знал, что друга бесят эти прозвища, прицепившиеся к нему из-за черной одежды, бледной кожи, сумрачного взгляда и темных, рвано стриженных волос до плеч с белыми прядками на макушке. Но готом, а уж тем более упырем, Ночка не был. Просто любил этот цвет. «С черным, – говорил он, – никаких забот: меньше мучений в магазине, просто бери все однотонное». Да и нравилось Рому, как он выглядел в этом цвете, – приятно было в зеркало посмотреть. В отражении (а отражение у него было, не то что у всяких упырей) он видел парня стильного и загадочного. А еще черный цвет соответствовал его прозвищу Ночка. Но черепа, кресты, ворон и подобную мишуру он не любил и злился, даже не обижался, а злился, когда ему дарили такую атрибутику. Можно подумать, вся эта ерунда непременно идет в нагрузку к черному, назойливо прилипающая, как кошачья шерсть к одежде.

Ночка был далек от готики, он любил былины и русские сказки. Помнил еще с детства, как Маленькая мама рассказывала ему про Змея Горыныча, Соловья-Разбойника, про бой на Калиновом мосту. У Ночки была книга с богатырскими сказаниями. Ветхая, обтрепанная, с желтыми от времени страницами, цветными картинками и церковными маковками на форзаце, которые воспринимались маленьким Ночкой сказочными замками. По этой книге он учился читать, а кое-где на страницах сохранились его первые художества: звезды, солнышки, молнии и какие-то завихрения. Ночка до сих пор, уже перейдя в выпускной класс, листал эту книгу, когда было грустно, – в последнее время все чаще. Читал про могучих богатырей. Про великана Святогора, который на плече возил хрустальный дворец своей жены, а конь его был словно лютый зверь, из чьих ноздрей вырывалось пламя. Про славного Вольгуборотня, который прикидывался то оленем, то шукой, то орлом, то ласточкой, а иногда даже муравьем, каплей воды и человеческой мыслью. Про «поздний цветок» Илью Муромца, который нашел

свое предназначение в тридцать три года. Там и тут на пестрых картинках бородатые мужи в кольчугах и ярких плащах вершили ратные подвиги.

Однажды благодаря этой книге в классе Ночки даже появилась Дружина – княжеское войско. А фамилия у Ночки была Князев...

– Эй, ты дымишься! – воскликнул вдруг День. – Прячься скорее в тень!

– Надоел! – бросил Ночка.

Он отвернулся от друга и вдруг застыл, глядя на объявление «Помогите найти», криво наклеенное на фонарный столб. С расплывчатого черно-белого фото на него исподлобья взирала сердитая девчонка.

– Эй! – привлёк внимание друга Ром. – Не эта красотка к тебе подкатывала? У школы, помнишь? Феникса еще ждали.

День взглянул на объявление, и по его спине неприятно побежали мурашки. Целый легион мурашек, словно на него высыпали ведро муравьев. Потому что...

– Да, это она.

Длинные темные волосы, только прическа другая. В тот день, когда они виделись, у девчонки на макушке две пряди были закручены озорными рожками. Но родинка на щеке, словно грязью мазнули, точно такая же. Брови так же нахмурены, губы поджаты, и имя это дурацкое – Цветана. Цвета. Точно она.

– Пропала, – констатировал Ночка.

– Не слепой, – буркнул День, не отводя взгляда от фото.

На фоне других объявлений – красного «Денежные кредиты», желтого «Куплю квартиру», кислотно-розового «Работа для студентов» – эта листовка оглушительно белела, и черные крупные буквы словно кричали именно им: «Помогите найти!»

– Надеюсь, не из-за тебя? – нахмурился Ром.

День угрюмо глянул на друга.

– Ладно, я пошутил. Неудачно, – сдал назад Ночка.

Хотя он не шутил, но Демьяну необязательно об этом знать. Да уж, каково бы ему самому пришлось, если бы девочка, которую он отшил, вдруг куда-то девалась? А может, она еще и записку накатала?

«Прошу винить такого-то парня из школы такой-то».

Расспросы, дознание, наверняка скоро следователи нагрянут к ним в класс. Но кто же знал, что она пропадет?

День от души пнул жестяную банку из-под колы, которую кто-то бросил мимо урны, и пошел дальше. А Ночка напоследок еще раз глянул на хмурую девочку. Теперь ему показалось, что смотрит она зловеще. Будто отомстила им.

Ночка поспешил за Днем.

– Слушай...

– Все, закрыли тему! – отрезал тот.

– Да я не о ней! Пойдем ко мне! Что тебе дома делать? – предложил Ночка.

День скептически глянул на друга.

– Там твоя мамка-потрошитель. Не пойду.

Ночка безнадежно вздохнул. В последнее время друзья прозвали его Маленькую маму потрошителем. До переезда оставался еще месяц, а она уже всю перетряхивала коробки, которые забирала из соседней аптеки, – складывала вещи, снова доставала их, и в доме Князевых невозможно было хоть что-то найти. Теперь никто из друзей не хотел погружаться в этот хаос, а ведь раньше Дружина постоянно собиралась у Ночки. По правде говоря, Ром и сам не горел желанием возвращаться домой, но День не позвал его к себе, только добавил отмазу:

– Да и моя мама просила не задерживаться, помочь ей с чем-то нужно.

– Добрый День, – пробурчал Ночка фразочку, которая в их компании стала дежурной шуткой.

Вообще-то все началось с «Белого Дня» – фамилия у Демьяна была Белый, а потом пошли и вариации: «Добрый День», «Самый лучший День» и тому подобное.

Сейчас Добрый День вел себя совсем не по-доброму и явно хотел избавиться от Ночки.

– Если отправишься ее искать, то свистни, – на всякий случай предупредил его Ром.

– Отвали уже! – День снова пнул банку.

– Я серьезно, – не унимался Ночка.

– Да я видел ее тогда в первый и последний раз! Что мне теперь, гоняться за каждой городской сумасшедшей? – огрызнулся День.

– Но она же тебя знает, – напомнил Ночка.

– И что? Может, мы встречались на какой-нибудь областной олимпиаде. Я не обязан знать всех девчонок, которые положили на меня глаз!

И то верно. День был весьма популярным парнем. На четырнадцатое февраля школьный почтальон приносил ему чуть ли не мешок валентинок. Даже больше, чем Ночке. И это немного уязвляло последнего.

Ром дружески пихнул Демьяна в плечо.

– Забей! Наверно, эта, – он указал на столб с объявлением, – уже нашла себе другого и растворилась с ним в прекрасном далёко, а все теперь ищут, беспокоятся, и ты страдаешь.

День заметно расслабился, почувствовав поддержку друга.

– Надеюсь, что так, что с ней все норм, – пробормотал он и с силой наступил на жестянку.

Дальше они брели молча, пока не пришло время расстаться на перекрестке. День пошел направо, а Ночка налево.

– До завтра, – махнул рукой День.

– Может, вечером соберемся Дружиной? Погуляем? – предложил без особой надежды Ночка.

– Я же сказал. Сегодня никак, – нервно тряхнул светлыми кудрями День, а потом застегнул вдруг куртку и накинул на голову капюшон толстовки.

Несмотря на лучистое, все еще греющее не по-осеннему солнце, Демьяна вдруг зазнобило. Не помогла и «тыща свитеров».

Хоть он и показывал всем своим видом, что ему плевать на пропавшую девчонку, это было совсем не так. Он не мог забыть, как пару дней назад она в слезах убежала от Дружины.

Кажется, все было куда серьезнее, чем он думал.

Так что же с ней все-таки произошло?

Глава 2

Когда бабушка – ведьма

2 октября

Глафира возилась в палисаднике. Это был кусочек земли перед старенькой двухэтажкой, огороженный корявым забором из остатков плитусов, реек, обрезков досок и других ремонтных ошметков, которые женщина находила иногда в закутке с мусорными баками.

Глафира вырывала календулу и состригала со стеблей последние оранжевые цветки, чтобы засушить их для травяного сбора, – на днях обещали первые заморозки. Она торопилась, ведь нужно было еще подготовить крошечные грядки и клумбы к зимней спячке и убрать огуречные лианы, обвивавшие хлипкий заборчик.

Привлекая внимание, Цвета кашлянула, но старушка, что-то бубня себе под нос, продолжала обезглавливать ноготки.

Цвета снова безрезультатно кашлянула.

Как позвать-то ее? Бабушка? Но девушка не была до конца уверена, что перед ней ее бабушка, ведь они так давно не виделись, не общались. Цвета помнила ее смутно, из раннего детства – размазанным ярким пятном с конфетами.

Раз в месяц в почтовом ящике оказывался конверт с деньгами. Раньше Цвета боялась, что письмо вскроет почтальон или хулиганы утащат его из ящика. Ведь такое, говорили, иногда случалось с письмами, а бабушка отправляла деньги самым ненадежным способом, как будто больше никак нельзя было их передать. Но конверты, всегда бесперебойно, приходили целехонькие, со всем содержимым. И даже разные почтовые задержки не имели над ними власти. Марки были погашены – письма точно кидал в ящик почтальон, хоть в обратном адресе и значился тот же город.

В детстве Цвета вырезала из конвертов картинки и клеивала их в альбом. Такое у нее было хобби. Уже позже она узнала, что не одна такая и у этого вида коллекционирования даже есть отдельное название – сигиллатия.

Цвета проверяла почтовый ящик ежедневно, и даже маленький ключик от него висел на ее брелке, а не у мамы. Девочка вытряхивала рекламную макулатуру, забирала квиточки, а в заветный день ей в руку выпадал конверт. Если он показывал ту сторону, на которой учили писать индекс, то Цвета несколько секунд гадала, какой же будет картинка под адресом отправителя. А потом переворачивала письмо.

Она радовалась, когда обнаруживала нарисованных животных, растения и сказочных героев. Иногда попадались портреты людей, изображения памятников и рисунки к специфическим датам, типа «столько-то лет Федеральной архивной службе России». Такие картинки Цвета тоже вырезала, но клеивала их в конец альбома.

По праздникам обычно приходили красивые поздравительные конверты. Особенно девочке нравились новогодние, с пушистыми елками, для которых была выделена отдельная страница в альбоме. Цвете хотелось собрать больше лесных пейзажей, но они ей почти не попадались.

Бабушка никогда не писала письма, но в праздничные конверты, кроме денег, вкладывала открытки. Крупные круглые буквы поздравляли от имени Глафиры «дочь Веру и внучку Цвету».

На самом конверте этим же крупным почерком был выведен адрес. Больше никто Цвете и ее маме не писал, хотя девочка мечтала, что когда-нибудь придет письмо от папы. Мама говорила, что он живет во Франции. Но из года в год мечта оставалась мечтой, а потом и вовсе завяла.

Незаметно для самой себя Цвета выучила бабушкин адрес. Как-то раз она даже нашла прямоугольник бабушкиного дома на гугл-карте. Глафира жила довольно далеко от них, на другом конце города, но на автобусе можно было доехать без пересадок почти от дома до дома.

– Мам, а почему бабушка не приезжает в гости?

– Не может.

– А почему мы к ней не ездим?

Мама отмалчивалась. Но Цвета с мамой редко разговаривали по душам, так что девочка принимала и такой ответ. Читая про Красную Шапочку, она мечтала, что когда-нибудь тоже отправится к бабушке в гости.

Эта мечта сбылась.

И вот сейчас Цвета стояла перед домом с тем самым адресом, что был указан на всех конвертах, и, возможно, даже перед собственной бабушкой.

Пожилая женщина в палисаднике, сосредоточенно возившаяся с растениями, напоминала медведицу в зоопарке, которая занимается своими делами в вольере, не обращая внимания на жизнь вокруг.

Цвета пнула окурок с асфальтовой дорожки в траву и неожиданно поняла, что ей делать. Как она сразу не догадалась? Это же очевидно!

И она звонко воскликнула:

– Здравствуйте!

Несколько голубей, клюющих невидимые крошки на канализационном люке, лениво вспорхнули и тут же снова уселись на землю.

Глафира подняла голову, растерянно глянула на девушку, потом нахмурилась и распрямилась. На ней была тонкая зеленая куртка, из-под которой выглядывал подол фартука. С тазиком, полным цветочного пламени, в руках она походила на Гринча, укравшего на этот раз не Рождество, а лето.

– Ты как здесь очутилась? – без приветствия спросила Глафира.

Кажется, бабушка была ей не рада. Цвета, конечно, не ожидала ласковой встречи – все-таки они не общались, хоть и жили в одном городе. Но ей казалось, что Глафира просто не узнает ее и придется представиться: «Я ваша внучка», – а теперь складывалось впечатление, что они хорошо знакомы. Или это бабушка хорошо знакома с ней?

– На автобусе приехала, – промямлила Цвета и вдруг протянула руку с целлофановым пакетом, словно явившись с доброй охоты. В тесноте пакета мяли друг другу бока пышные круассаны. – Купила к чаю.

– Ты на чай? – удивилась Глафира.

– Навещаю бабушку с пирожками, – смущенно хмыкнула Цвета.

Вот она и сказала это слово. Бабушка.

Но та в ответ хмурилась и молчала. И приглашать на чай, похоже, не собиралась.

Цветана покосилась на окна ветхой двухэтажки. Дом словно замер, не жужжал телевизорами, не пах готовящейся едой, хотя за занавесками вполне могли таиться глаза и уши. Цвета тоже не жаждала распивать чай с малознакомой женщиной, пусть и бабушкой, она пришла с серьезным разговором. Не для улицы.

– Мне нужна твоя помощь, – наконец выдавила Цвета. – Вопрос жизни и смерти...

И огляделась в испуге, начав разговор, который уже много раз разыграла по ролям в своей голове. В фантазиях голос ее не дрожал.

И вот, в смущении бегая взглядом, Цвета впервые заметила ее.

Девушка сидела на скамейке у соседнего подъезда под сенью побитых дождем цветов, которые, кажется, назывались золотыми шарами. Цветы, склонив тяжелые желтые головы и грузно оперевшись на специально сделанные для них костыли-подпорки, заключали ска-

мейку в уютную беседку. И в этой беседке, будто в золотой карете, расположилась пышноволосяя Барби-принцесса, беспечно болтая ногами в белых кроссовках. Незнакомка казалась такой красивой, что это даже отталкивало. Она походила на луч света и словно отражала яркость этих золотых шаров. Цвета почувствовала себя неуютно в своей дешевой неистово розовой ветровке и старых ботинках.

Глафира вытерла о подол фартука руки, липкие от цветочного сока, проследила за взглядом внучки, а потом перешагнула в низком месте через заборчик палисадника.

– Ну, раз жизни и смерти, – хмыкнула она.

Презрительно.

Цвета вздрогнула и покраснела еще пуще. Но это было именно так – «жизни и смерти», иначе она бы не отважилась явиться к бабушке.

Глафира потянула за ручку старую деревянную дверь без домофона, от которой веяло... безопасностью? Цвета давно не видела деревянных подъездных дверей. Везде железные, и квартирные двери – железные, и вдобавок решетки на окнах, как будто город готовился к зомби-апокалипсису. А этот дом не защищался, доброжелательно хлопая ветхой деревяшкой.

Цвета вошла в подъезд следом за Глафирой.

* * *

Пару недель назад Таня, соседская девчонка, догнала Цвету, когда та вывела на прогулку лабрадоров.

– Хочешь, я буду помогать выгуливать собак? – спросила она.

– Чем ты мне поможешь? – удивилась Цвета, оглядывая соседку, которая была лет на пять младше и не особо годилась в подружки. – И с чего вдруг? Щенка собираетесь брать?

Таня вздохнула:

– Я бы хотела, но родители против. – И сообщила вдруг важно: – А моего брата к твоей бабушке водили, знаешь?

– Зачем? – удивилась Цвета.

Она натянула поводки, придерживая торопливых лабрадоров, чтобы Таня не отставала.

Глаза девочки возбужденно заблестели, кажется, ее распирало от какой-то удивительной новости, и Цвету это насторожило.

– Так лечить от испуга! Он как-то...

Но Цвета перебила:

– А бабушка моя, значит, вылечила?

Она и не знала, что Глафира – врач.

– Ага! – энергично закивала Таня. – Твоя бабушка – вот такая знахарка! – Девчонка оттопырила большой палец на кулачке. – Круто иметь такую бабулю!

Цвета растерялась и машинально спросила:

– А как она ему помогла?

Глаза соседки разгорелись. Видно, домашние запретили ей болтать про «лечение», но со знахарской внучкой ведь можно же!

– Наказала принести перья сороки.

Цвета в изумлении подняла брови.

– Родители в интернете нашли, – гордо пояснила Таня, – и нам в конверте прислали из Архангельска!

Чего только не продают на сайте объявлений...

– Перья эти знахарка, то есть бабушка твоя, сожгла, смешала с заговоренной водой и наказала брату пить по столовой ложке. И Шурке помогло! Не заикается больше!

Интересно, а сможет бабушка заговорить какое-нибудь перо на избавление Цветы от сонного паралича?

Таня же, понизив голос, продолжала сочинять сказки:

– Я знаю, что и ты наколдованная.

Цвета фыркнула:

– Чего?!

Да уж, сегодня день удивительных открытий.

– Я все знаю, – хитро сощурилась соседка. – Но будь спокойна, я не выдам твою тайну.

– И что же ты знаешь? – усмехнулась Цвета.

– Тетя Вера не могла иметь детей, – заявила Таня, следуя за девушкой по пятам, – и тогда твоя бабушка скормила ей сосновое семечко. Это тетя Вера сама моей маме рассказала, давно уже, когда закваску принесла. Меня еще тогда не было.

Цвета снова фыркнула:

– И меня, видно, тоже.

– Ты как раз через девять месяцев родилась. Мама эту историю вспомнила, перед тем как Шурку вести.

Цвета невольно коснулась родинки на щеке, похожей на сосновое семечко, и съязвила:

– Больно много ты знаешь!

– Я под дверью подслушиваю, – раскололась Таня.

– То есть я девочка-семечко? Мама моя – сосна, а отец – леший? – посмеялась Цвета. –

Почему же имя у меня такое? Скорее полевое, луговое какое-то, а не лесное.

Маленькой соседке не понравился тон знахарской внучки. В колдовство она верила – брату же помогла вода, настоящая на пепле сорочьих перьев. А вот Цвета смеялась над подобными сказками. Ладно сосновое семечко, но чтобы ее мама хотела детей? Да так сильно, что даже прибегла к колдовству? В этом Цвета очень сомневалась.

Ей всегда казалось, что она недоразумение в жизни мамы. Хотя, может, та просто мечтала о лучшей дочери? А с Цветы что взять? Училась она слабо, в основном на тройки, ничем особо не увлекалась, кроме картинок с конвертов, да и те уже больше не вырезала – надоело. Друзей у нее не было. Цвету не то чтобы не любили в классе, просто не замечали. И это оказалось куда хуже, чем если бы ненавидели. Мама тоже всегда была отстраненной, как будто равнодушной к ней. Она не обижала дочь, даже брала ее на свои занятия с собаками – Вера была кинологом. Цвета помогала расставлять конусы, придерживала за поводок маминых воспитанников, прятала сосиски для отработки неподбора, а мама за это давала ей карманные деньги. Но Цвете частенько казалось, что с мамой они живут больше как соседи, чем семья. А папа и вовсе растворился во Франции.

Вот и Таня заметила Цвету, только когда узнала, что она внучка знахарки. Но надолго ли хватит этого энтузиазма?

А к знахарке неплохо было бы сходить...

И вот Цвета здесь.

Она вошла вслед за Глафирой в тесный коридорчик. Бабушка жила на первом этаже, в обыкновенной квартирке с окнами, выходящими на палисадник, с пестрыми обоями на стенах, советским трюмо и цветистым узорчатым паласом, который красной дорожкой начинался сразу после придверного резинового коврика. Ничего ведьмовского, колдовского, знахарского.

Глафира скинула галоши. Цвета снова протянула ей круассаны, не зная, куда их девать.

Бабушка взяла пакет резко, почти вырвала. Руки девушки задрожали, но она решительно расшнуровала ботинки и последовала за Глафирой на кухню, не снимая ветровки. Без приглашения она выдвинула из-под стола табуретку и присела.

Кухонька была такой крошечной, что табуретка Цветы оказалась почти в коридоре. Девушка нервно цеплялась глазами за предметы, избегая смотреть на бабушку. Кран над рако-

виной был заткнут винной пробкой. Цвета сначала удивилась даже не самой пробке, а тому, что она идеально подошла по диаметру к отверстию крана. Хотя, может, бабушка ее немного подстрогала? От тараканов, что ли? Хотя те вроде не ползают по трубам. Или ползают? Цвета мало что знала об этих насекомых.

На холодильнике в трехлитровой банке колыхался мертвой медузой чайный гриб цвета застиранной тряпки. Девушка вспомнила, что и у них когда-то был такой питомец. Мама звала напиток, который готовил в банке гриб, чайным квасом, Цвета же выражалась по-модному – комбуча. Но пить эту комбучу не любила, мама тоже не пила, хоть и говорила, что квас очень полезен. И гриб-питомец быстро захирел, потому что ему вечно забывали подливать чай. Интересно, их почивший гриб приходился родственником этому?

Мама и бабушка виделись?

Да нет, эти грибы одно время обитали, кажется, у всех.

Цвета скользнула взглядом по белому телу холодильника в цветных бородавках магнитов и вдруг увидела свою фотографию: она щурилась от солнца и выжимала воду из мокрых волос. Июньский отдых на море.

Находка сначала удивила Цвету, а потом неприятно кольнула.

Все-таки мама и бабушка виделись.

Конечно, мама тоже могла отправить фотографию обыкновенным письмом, но держалась та на магните из Сочи. Этот упитанный мультяшный дельфин точно не влез бы в конверт. А мама, покупая голубую животину в сувенирной лавке, сказала: «Для коллеги». И ни слова о бабушке.

Но если мама и навещала бабушку, то, наверно, очень редко – деньги всегда приходили по почте.

Глафира приподняла с плиты чайник, чтобы определить по весу, сколько там воды. Цвете показалось, что совсем немного, но бабушка все равно зажгла газовую конфорку. Уже через минуту чайник засвистел.

Цвета украдкой разглядывала бабушку, узнавая в ней черты мамы и даже свои собственные. Остроносая, тонкогубая, узколицая. Только волосы у бабушки и мамы были не длинные, как у Цветы, а подстриженные ровным каре до подбородка. У бабушки, правда, прическа была с перышками седины, а лицо смялось морщинами.

Такой Цвета станет, когда постареет.

Если постареет.

Глафира достала чашку из шкафчика. Одну. И чайный пакетик. Да уж, какая из бабушки знахарка, если она пьет пыль, на которой лежали чайные листья.

Сама Цвета любила травяные сборы. Жаль, что приходилось покупать их в аптеке или супермаркете. Дачи у них не было, а в лес они не ездили. Вроде даже была уважительная причина: однажды Цвета заблудилась в лесу. Но она не помнила этого – совсем маленькая тогда была.

Кипятка хватило на полчашки. Глафира придвинула к внучке наполовину полную, а скорее, наполовину пустую – сейчас Цвета была пессимисткой – чашку и сделала шаг от стола, прислонившись к подоконнику и скрестив на груди руки.

– Что за дело? – спросила она.

Цвета облизнула сухие губы, надавила на тельце чайного пакетика ложечкой, и в воде расплылось малиново-красное пятно.

Девушка, сделав глубокий вдох, выдохнула всего одно слово:

– Приворот.

И покраснела сконфуженно, словно вдруг громко икнула и теперь не знала, куда себя деть.

Приворот.

Да, ей казалось это куда нужнее, чем избавление от страшного сонного ступора.

Цвета по жизни была невидимкой. В буквальном смысле. Она не просто теряла контроль над своим телом, но и упускала его совсем – оно будто растворялось. Тогда как одноклассники росли, дружили друг с другом, ссорились, мирились, влюблялись... и огибали ее, словно ручей – малый камень.

А с новым учебным годом в классе появился и новенький одноклассник. Антон. Он остался на второй год по болезни: у него было что-то с позвоночником. Но с Цветой он своими проблемами не делился, конечно. Девушка ловила слухи из шепотков одноклассниц.

Первого сентября на классном часе Антон сел за последнюю парту, но уже на следующий день спросил Цвету: «Ты одна сидишь?» Цвета вздрогнула, заморгала растерянно, а потом быстро закивала.

Когда-то учителя специально подсаживали к ней одноклассников. Обычно говорунов, потому что с ней они сразу замолкали. Затухали. Но в старших классах все уже садились как хотели, и ее последняя соседка сбежала к подружке. Наверное, Антон думал, что Цвета поможет ему влиться в коллектив, догнать по предметам, освоиться.

И Цвета сразу решила, что он для нее. Что он может ее заметить, выделить. Полюбить. Что он тот принц, который скинет с нее мантию-невидимку. Она не упустит этот шанс, и Антон станет ее другом, а лучше парнем.

Цвете казалось, что она симпатичная, но мальчишки никогда не дергали ее за длинную косу, не дразнили, не увязывались за ней после школы, а позже на дискотеках не приглашали на медленный танец.

Тогда она накупила девчачьих журналов. Стала регулярно красить ногти, не забывать про тушь и блеск для губ. Она попросила у мамы денег и сходила в торговый центр, где сама выбрала себе платье. Ей, правда, больше нравилось ходить в джинсах, но сейчас хотелось просто новую вещь. В своем вкусе.

Она очень редко покупала что-то для себя. Обычно ей всё заказывала мама – с китайского сайта. Розовое, фиолетовое, иногда лазурно-голубое или мятное. Блескучее, шаблонно-девчачье. Хотя сама мама ходила обычно в темном спортивном костюме – работа на улице, да еще собаки со своими лапами и слюнями. Цвета терпела, понимая, что мама, наряжая ее, исполняет собственные мечты и покупает то, что хотела бы носить сама. Она удивилась, когда мама дала ей деньги на шопинг, но даже не посоветовала, что купить. И чуть расстроилась. Порвалась еще одна ниточка их связи. Теперь маме безразлична была и ее одежда.

В магазине Цвета по привычке потянулась к розовому, но вдруг отдернула руку, как от огня, и огляделась. Ведь теперь она могла выбрать одежду любого цвета!

В итоге она взяла коричневое платье из мягкой искусственной замши. Как раз на осень. В нем она себе нравилась. А еще купила блеск с лесными ягодами. Мама ей выдавала обычно с клубникой или вишней.

Цвета была готова лететь навстречу переменам. Теперь и у нее будут длинные переписки по ночам, прогулки за ручку. И объятия. И поцелуи.

Но Антон ничего не сказал про обновку, даже не глянул как следует, только поздоровался равнодушно.

Цвета снова грустила, но не стала винить парня. Ему, конечно, было не до нее. И ни до кого. Он переживал за потерянный год, ведь теперь был «младше» своих друзей, старался наверстать учебу и явно был не в восторге от внимания новой одноклассницы, да еще троечницы.

Через неделю Антон пересел к Диме. Так Цвета растворилась и для него.

Но она не хотела сдаваться, не хотела исчезать. Поэтому решила сосредоточиться на учебе и подтянуть оценки, чтобы давать Антону списывать, помогая ему с уроками, как тот и надеялся изначально.

Хотя в последнее время с ее здоровьем тоже стало что-то твориться. Ей все время хотелось спать или просто лежать, завернувшись в одеяло, не было сил даже смотреть на экран телефона. Но спать Цвета боялась. Ведь тогда приходил этот жуткий сонный паралич. Тело становилось чужим, а она билась внутри застывшей оболочки, пытаясь найти невидимые нити, чтобы потянуть за них и привести в движение руки и ноги, вернуть управление над этой хитрой конструкцией из мышц и костей. Ведь ее тело было создано для движения, так почему оно отказывалось подчиняться? Наверно, на нее накатила депрессия. Или что-то типа того.

Но нет, скорее всего, это просто одиночество, которое уже невозможно было выносить. Ей требовались перемены.

И Цвета возвращалась мыслями к бабушке-знахарке...

Глафира секунду глядела на внучку, а потом резко наклонилась вперед и прихлопнула ладонью чашку. Пальцы с черными земляными ободками вокруг ногтей по-птичьи обхватили тонкий фарфор, и Цвета вздрогнула, решив, что чашка сейчас сомнется сотней трещинок, как пустая яичная скорлупа. Стебель чайной ложечки торчал между сухих коричневых пальцев, точно копье, пронзившее жертву.

Бабушка вдруг повернулась к холодильнику:

– А ты помалкивай!

Зачем она обращалась к нему? Там кто-то был? Бред.

Глафира вновь посмотрела на внучку – сурово, колюче – и прошипела сквозь зубы, словно выходил воздух из проколотой шины:

– Тебя должны полюбить добровольно! Иначе не будет счастья!

Цвета пружиной взвилась из-за стола, а бабушка тут же выпрямилась, лишь звякнула тревожно ложечка в многострадальной чашке.

– А я счастья и не прошу! Хочу только, чтобы со мной кто-то был! Я устала! Мне одиноко! – выпалила Цвета и сама испугалась своего громкого голоса.

Мама сейчас бы не узнала ее. Окружающие всегда говорили, что ее девочка слишком замкнутая, слишком тихая.

Глафира покачала головой и опустила на табуретку, по-прежнему не убирая ладонь с чашки.

– Мама твоя тоже так говорила...

Все, с нее хватит! Цвета резко вышибла из-под бабушкиной руки чашку с чаем. Малиново-красная вода зловеще растеклась по белой клеенке.

– Да мама своих собак любит больше меня! Как будто я у тебя многого прошу! Чужому ребенку ты помогла, я знаю! А мне – не желаешь! Откупаешься деньгами!

Слезы стыда, обиды и злости обожгли Цвете глаза. Она кинулась к двери, вернее, сделала пару шагов в тесном коридоре, сунула ноги в ботинки и вылетела из квартиры, даже не завязав шнурки.

Уже на улице она все-таки привела себя в порядок, дрожащими пальцами еле справившись со шнурками, а когда выпрямилась, снова увидела кудрявую незнакомку. Та все сидела на скамейке у второго подъезда и теперь с любопытством глядела на нее.

Цвета, еще рассерженная на бабушку, не стала отводить взгляд и с вызовом посмотрела на девчонку, которая уже не напоминала лучик света.

На вид незнакомка казалась ее ровесницей. Часть волос была закручена на макушке пучками-рожками, а распущенные пряди отливали неприятным зеленоватым оттенком – видно, дешевый шампунь оказался слишком ядреным. Да еще из локонов тут и там торчали сухие стебельки и листья. Выглядело весьма необычно.

Одета незнакомка была в поношенную синюю толстовку не по размеру и черные линялые джинсы. Даже кроссовки ее теперь не казались такими уж белоснежными.

В другое время Цветана просто бы прошла мимо, но сейчас, взвинченная неприятным разговором с бабушкой, сердито бросила незнакомке:

– Чего?

Девчонка удивленно вскинула зеленоватые брови.

– Это ты мне? – уточнила она.

– А ты еще кого-то видишь? – пробурчала Цвета.

– А ты, значит, видишь меня? – с интересом уточнила девчонка.

– Большая, – пробормотала себе под нос Цвета и пошла к остановке.

– Постой! – незнакомка сорвалась со скамейки и подскочила поближе. – У меня к тебе встречный вопрос. Откуда оно у тебя?

– Что? – не поняла Цвета, замедляя шаг.

– Тело.

– Большая, – повторила Цвета, но вопрос незнакомки холодным камушком упал внутрь.

Почему она это спросила? И почему Цвете этот вопрос на самом деле не показался бредовым? Пальцы снова задрожали, и Цветана досадливо сунула руки в карманы ветровки.

– Тебе помочь? – спросила незнакомка, продолжая семенить рядом. – У тебя внутри омут. Уже глубокий.

– Какой такой омут?

Цвета сама не знала, зачем это спросила. Нужно было быстрее идти к остановке, где людей побольше, – уж слишком подозрительно вела себя настырная девчонка. Мама учила, что с такими людьми надо говорить тихим спокойным голосом. И линять побыстрее.

– Омут... Как бы тебе объяснить, – задумалась незнакомка. – Он из тоски, отчаяния, горечи...

Цвета снова сбавила шаг, будто придавленная словами рогатой девчонки.

– Безысходности, обреченности, уныния, обиды, боли... – чеканила незнакомка.

– Хватит, – глухо сказала Цвета.

И почему-то остановилась, словно желая, чтобы странная собеседница дала ей лекарство, ведь она угадала все ее чувства. Она увидела в ней *омут*.

– Так что тебя гложет? – спросила рогатая.

Цвета заглянула девчонке в глаза. Они были ярко-зеленые, словно ряска. Цвета вновь разозлилась. Чем ей поможет эта встреча с улицы?

– Ты психолог, что ли? – фыркнула она. – Или сектантка? Конечно, внутри меня омут! Ты не знаешь, что со мной происходит! Отца я не видела, мама вся по уши в работе, бабушка – это тупо конверт с деньгами! – Она говорила все громче, не заботясь о случайных прохожих, да никого и не было на этой тихой улочке. – Ты ничего не знаешь! Не знаешь, как мне тяжело!

– А что ты для себя делаешь? – спросила незнакомка с любопытством врача-исследователя, собирающего анамнез. – Чем ты засыпаешь омут?

Цвета оторопела, потом вздохнула: даже крик ее не замечают. Но она задумалась над словами рогатой.

«Чем засыпаю?» В голове мелькнул образ Антона. Ее несбывшиеся фантазии. И обида на бабушку показалась Цвете черной водой этого самого омута.

– Я пришла к бабушке, – прошептала она.

– Но та тебе отказала, – кивнула незнакомка и вдруг добавила весело: – Тогда я тебе помогу!

Цвета нахмурилась. Эта чудная шла за ней, выпрашивала ее, а теперь предлагает помощь? Наверняка ей что-то нужно. И Цвета машинально глянула на руки рогатой в поисках визитки какого-нибудь центра. А потом, словно внутри разжалась пружина, она отбросила подозрения и сказала, точно бросая вызов:

– Ну помоги!

Терять ей было уже нечего.

– Есть что-то острое? – деловито спросила девчонка. – Ножичек? Иголка?

– А зачем? – не поняла Цвета.

– Тебе же приворот нужен?

Цветана остолбенела: откуда незнакомка это знает? Подслушивала под окнами? Неужели Цвета так громко кричала?

Она медленно кивнула.

– Да, нужен.

Но приворот на крови? Ей попадались только жуткие варианты на менструальной. Цвета тогда сразу закрыла вкладку с текстом. Нет, так привязывать к себе Антона она не хотела.

– У меня его фотография есть, – сказала Цвета. – Скачала из интернета и распечатала. Еще есть его карандаш, я попросила специально перед последним уроком и убежала с ним, чтобы не забрал обратно. А вот волосы, ногти и всякое такое раздобыть не смогла.

– А что-то острое? – упрямо повторила незнакомка. – Нужна кровь. Твоя. Понимаешь, надо живое. На фото и забытые карандаши нашептать может разве что шарлатанка.

Цвета сморщилась, как перед чихом, и вдруг подумала, что до сих пор не знает имени этой рогатой девушки. Ничего о ней не знает.

– Так кто ты такая? – спросила она.

Рогатая хитро глянула на нее глазами-болотцами.

– Бесёна. Но люди обычно зовут меня просто бесом.

* * *

Глафира сначала порадовалась, что разговор с внучкой вышел коротким. Она вытерла с клеенки и с пола красные лужицы разлитого Цветой чая. Капли походили на кровь. Чайный пакетик она кинула в мусорное ведро, туда же отправились и круассаны. Закончив с уборкой, Глафира выглянула в окно.

У дома никого не было, но наверняка внучка где-то рядом: небось дуется, ходит кругами по двору или сидит на соседней скамейке, думает, как к бабке подступиться. А может, вырвала в приступе ярости бархатцы, те, в углу, которые из окна не видно. Не уйдет она так просто, не уйдет, но надо было дать ей время остыть.

Наконец Глафира сунула ноги в галоши и без куртки вышла на крыльцо, осматриваясь по сторонам. Внучки не было.

Неужели она так быстро сдалась?

Глафира торопливо зашла за угол дома и увидела, как Цвета идет к остановке.

Она окликнула ее. И еще раз. Но внучка не обернулась.

Глава 3

Шпротная незнакомка

6 октября

Хотя День и сказал Ночке, что ему нужно скорее домой, но сам пошел длинным путем.

Пропавшая девчонка с того объявления не выходила из головы. А вдруг она вправду наложила на себя руки? Однако версия Ночки казалась более правдоподобной: зависла на даче своего дружка, устроила бойкот родителям и отключила телефон. Было в этой девчонке нечто странное. Такая вполне могла начудить.

Потеряшка была не из их школы. Это точно. Он никогда не видел ее, а ведь знал всех старшекласниц. Стоило задержать взгляд на любой из них дольше пяти секунд, как они начинали улыбаться так неприкрыто счастливо, словно получили освобождение от физкультуры. И Демьян иногда так развлекался.

Эта Цвета тоже улыбалась ему.

Она возникла, когда Дружина после уроков собралась за школой. Ждали только Феникса, его рабочий день еще не закончился.

Парни сидели на серебристой, как скафандр, трубе теплотрассы, перекинутой через сухой овражек. Они грелись на осеннем солнышке, и никто не спешил домой. В последнее время, казалось, их дружба еще больше окрепла. Все украдкой считали дни до конца октября, до осенних каникул, до отъезда Ночки, не веря, что это случится, не зная, как будет дальше, и цепляясь за счастливое настоящее.

И тут к их компании уверенно подошла эта самая девчонка с родинкой на щеке, с озорной прической – рожки на макушке, улыбнулась широко и встала прямо перед Демьяном.

Незнакомка не была красоткой, хотя и дурнушкой ее нельзя было назвать. Про таких обычно говорят «миленькая». Она подошла прямо к нему, сияя приветливой улыбкой, будто они встретились после долгой разлуки. «Обозналась», – подумал тогда День.

Хотя лицо девчонки выражало неприкрытую радость, что-то тревожное таилось в ее карих с яркими зелеными крапинками глазах. Что-то отталкивающее. Дню даже почудился запах сырой земли, к которому примешивался еще какой-то аромат. Знакомый, но он никак не мог вспомнить, какой именно...

День решительно тряхнул кудрями. Что теперь об этом думать?

Длинный путь домой проходил вдоль заросшей канавы, которая звалась Холодной и когда-то была частью охладительной системы электростанции. Потом ее то ли перестроили, то ли модернизировали, и канавы стали не нужны. Та, куда с электростанции сливалась отработанная горячая вода, теперь высохла и потеряла связь с охладительными прудами. Бывшее дно все поросло кустами, а раньше – как мама рассказывала – здесь любили купаться, потому что водица была теплой даже в пасмурные прохладные дни. С тех времен остались только заросли акаций, цветущих по весне огромными белыми кистями. Больше нигде в городе их не было.

Холодная же канава еще существовала, но заболотилась, и с одной стороны моста, словно сустав на пальце, теперь ширился небольшой грязный пруд. Местные прозвали его Тихим Омутом и приезжали сюда мыть машины, а лягушки по весне устраивали неподалеку от импровизированной мойки громкие свадьбы и заполняли мелководье прозрачной икрой, похожей на разбухшие семена чиа.

Ходили слухи, что один пьянчуга прирезал и расчленил своего собутыльника, а затем по частям утопил в Тихом Омуте. И если долго вглядываться в воду, то можно увидеть, как на дне белеет череп. В детстве старшие во дворе пугали этой байкой малышня, мол, нельзя ходить

одним на мост, а то утащит утопленник. День тоже страшал так младшего брата Лешку, чтобы тот без взрослых не гулял у воды.

Когда Демьян сам учился в начальной школе, а Омут еще не зарос так травой и ряской, из воды и правда достали как-то человеческие кости. Но объяснили без чертовщины: под водой бил холодный ключ, от которого запросто могло свести ноги рисковому купальщику.

Кости достали. А череп нет.

Так что окрестные дети продолжали пугать друг друга утопленником.

И хоть история казалась просто городской легендой, но темная вода с зеленой пенкой водорослей то и дело притягивала взгляд Демьяна. А вдруг на самом деле блеснет черепушка?

Как-то раз, облокотившись на узкие железные перила моста, День увидел плывущего зверька, похожего на бобра, но размером с кошку. Наверное, ондатру. И с тех пор всегда, проходя по мосту, останавливался, чтобы поискать глазами обитателей канавы. В конце концов эта привычка стала ритуалом. День смотрел на темную воду, замедлял мысли, отпускал их, думал о своей жизни, а в последнее время – все больше о том, что и ему осталось учиться в родном городе всего год. Он, как Ночка и другие одноклассники, собирался поступать в университет побольше и поизвестнее, бросив их маленький городок, который они прозвали Клопославлем.

Но это все будет летом. Еще столько времени впереди. А до отъезда Ночки осталось меньше месяца.

Его лучший друг будет жить теперь под Москвой. Но они оба могут поступить в столицу. Хотя День уже настроился по направлению с работы отца дуть в Питер на олимпиадных условиях. Правда, кто знает, что там с этой олимпиадой, пройдет ли? Да и зачем ему этот Питер? Лучше же с Ночкой... Чтобы не одному.

День глядел на водоросли, выступающие из воды мелкие коряги и стебельки трав. И ему вдруг показалось, что он видит... нет, не череп, а девушку. Рябь на воде неуловимо меняла его собственное отражение, смягчала черты так, что они становились более нежными, женскими даже. А водоросли развевались длинными прядями волос. Этот забавный эффект День назвал «русалкой». Наверное, и наши предки, думал он, обманывались собственным искаженным отражением и фантазировали об озерных девах.

Если День еще дольше вглядывался в Омут, ему начинало казаться, что русалка оживает – будто качает головой, хотя он сам не шевелился. Вода гипнотизировала. Тогда День часто моргал и спешил сойти с моста. А то реально доглядится и до черепа утопленника...

Но сегодня Демьян видел только воду – мутную, темную. Русалка не показалась, как ни всматривался он в Тихий Омут. Прежде верили, что русалками становятся утопленные девушки.

«Надеюсь, та девчонка не утопилась», – подумал День и вдруг резко расхотел выглядеть ондатр, русалок, свои желания, мечты и будущее. С этой потеряшкой нервы шалят не на шутку. Надо дома у мамы попросить этой, как ее, валерьянки.

Демьян отвернулся от Омута и вдруг увидел дальше на мосту кошку. Обычную, коричнево-полосатую, таких еще называют «шпротными». У каждой бабушки-кошкормилицы в подвале найдется такая шпротина.

Кошка сидела, обвив лапки полосатым хвостом с черным кончиком, и смотрела на парня зелеными глазами. На ее лбу примостилась характерная для такого окраса черная буква М, но у этой кошки очертания буквы больше напоминали рожки.

– Ты не ондатра, – почему-то сказал он кошке.

И сам подивился своей плоской шутке, одновременно радуясь, что его никто не слышит, кроме бессловесного зверя. Хотя кошка так наклонила голову набок, словно сообщала ему: «И хорошо, что я не мускусная крыса».

День пошел с моста и по пути обогнул кошку. Та внимательно следила за ним, подняв голову с треугольником розового носа, потом обернулась, провожая его взглядом, и вдруг громко призывно мяукнула, будто сказала: «Подожди!» – и посеменила следом.

Этого еще не хватало!

День остановился и замахал руками:

– Кыш! Кыш! Хозяева потеряют тебя! Ну или твои собратья! Видишь, у меня нет еды, – и он похлопал себя по пустым карманам. – И денег на «Вискас» тоже нет.

Кошка остановилась, села, но, едва Демьян двинулся дальше, она опять побежала следом.

День раздраженно, с шумом выдохнул.

Можно было, конечно, кинуть в нее камушком. Но Демьян не решился: кошка не сделала ему ничего плохого, просто привыкла, что случайные люди кормят ее, вот и попрошайничает. Или спутала с кем-то? Может, с тем, кто оставил ее на мосту? Что за люди!

День прибавил шаг, но кошка не отставала. Ладно, решил парень, просто не надо обращать на нее внимания, по дороге сама где-нибудь затеряется. На самом деле ему даже льстил интерес зверька. Нечасто же они так по-собачьи трусят за людьми.

Так День с кошкой дошли до его пятиэтажки.

– Извини, но дальше нельзя, – строго сказал Демьян. – Спасибо за приятную прогулку!

Забавная кошка, честно говоря, отвлекла его от мыслей о пропавшей странной девочке Цветане.

Демьян, легонько отпихнув шпротную спутницу ногой, быстро шмыгнул в подъезд и захлопнул дверь. Он никогда не питал особой любви к кошачьим, но эта ему понравилась.

Правда, родители зверя точно не оценят. Животные дома были под запретом: «Заведите сначала собственный дом и селите в него кого хотите».

Кошка обиженно потопталась у двери, отчаянно мяукая. Потом прыгнула на скамейку, отвернувшись от ветра. Тут еще дождик заморосил. Кошка нахохлилась, но уходить не собиралась.

Вот подошла крохотная сгорбленная старушка с клетчатой сумкой на тележке, стерла морось с очков. И пока она, кряхтя, вталкивала тележку в подъезд, кошка юркнула в дверную щель и побежала вверх по лестнице.

Она проверяла каждую дверь, принюхивалась, прислушивалась.

И вдруг услышала выше его голос.

Мигом преодолев пролет, кошка оказалась у ног Демьяна.

День стоял с мусорным пакетом и растерянно смотрел сверху вниз.

– Опять ты! Да что тебе от меня надо?

Кошка только посмотрела на него большими зелеными глазами и громко замурчала. Очень громко. И так уютно, что День невольно улыбнулся.

– Я тебе приглянулся? Не можешь никак отлипнуть, да? Ты ради меня всё тут бродишь?

– Мяу! – ответила кошка.

– Глупый зверь, – вздохнул Демьян.

Он пошел вниз, натянув чуть не на глаза капюшон синей толстовки, и кошка последовала за ним. Она проводила его до мусорных баков и вместе с ним вернулась обратно к дому.

Перед подъездной дверью День тяжело вздохнул. Решение было не из простых.

Кошка стояла у его ног, прямо у щели подъездной двери, – напряженная, готовая бороться и ломиться внутрь, словно спасаясь от стихийного бедствия. И вид у нее был соответствующий: мокрая включенная шерсть торчала иглами, усы уныло повисли, а уши сложились назад, словно крылышки жука.

Дождь еще разошелся не вовремя. Нормальная же погода была!

Наконец День сокрушенно вздохнул.

– Ну ладно, заходи. Сейчас что-нибудь придумаем.

Глава 4

Договор с бесом

2 октября

Тогда Бесене казалось, что она все делает правильно и все получится. Но пробовать что-то новое нелегко даже нечистой силе. Да и случай к тому же необычный: девушка собралась продать бесу душу, вот только души у нее не было. Правда, Бесена до последнего в этом сомневалась.

Кинув взгляд на дверь подъезда Глафиры, она торопливо проговорила:

– Пойдем на остановку.

Когда девушки выходили со двора, Цветане показалось, что ее окликнула бабушка, но она была еще слишком сердита из-за ее предательства и даже не обернулась.

В автобусе Цвета дала кондуктору деньги на два билета. Бесена же заняла спаренные сиденья, усевшись на крайнем. Цвета протянула ей билетик, но та не взяла, только улыбнулась лукаво и пропустила спутницу к окну.

Цвета разочарованно сжимала в руке две бумажки. Вообще-то она не собиралась угощать незнакомку проездом. Но, в конце концов, за приворот нужно было заплатить. Видно, оплата уже пошла.

С бабушкой было бы проще. Цвета думала договориться, попросив вычесть стоимость приворота из «конвертных» денег. Все равно часть из них откладывалась на поступление в какой-нибудь техникум или училище и на занятия с репетитором – подтянуть тройки хотя бы до призрачных четверок. Но она решила, что любовь для нее важнее будущей учебы.

Какую плату попросит Бесена, Цвета не знала. Та ничего об этом не сказала, а она сама подумала о деньгах только сейчас, в автобусе. Цветана сложила цифры на билетиках – оба оказались несчастливими.

– Что я тебе должна? – спросила наконец Цвета.

Бесена глянула удивленно:

– Не в автобусе же обсуждать!

Цвета отвернулась к окну и заскользила взглядом по людям на очередной остановке.

Вдруг рядом кто-то плюхнулся так, что девушку, кажется, подбросило на месте. Она вздрогнула, повернулась и обнаружила на соседнем сиденье дородную женщину. Цвета, растерянно заморгав, подняла глаза и увидела, что ее спутница стоит в проходе и ухмыляется. Какая она проворная! Цвета и не заметила, как Бесена уступила место женщине. А ведь они не договорились, куда едут, Цвета просто последовала за рогатой. Хотя это был сто второй автобус – на нем она и приехала к бабушке, а сейчас он вез ее в сторону дома.

За острым предметом.

Цвета повысила голос, чтобы за гулом автобуса ее расслышала Бесена:

– Мы до моего дома едем?

Женщина недоуменно глянула на нее, потом проследила за взглядом девушки и снова уставилась на Цвету:

– Простите?

– Я не вам, – удивленно зыркнула Цвета на соседку.

Бесена же рассмеялась громко и заливисто. Но никто не обратил на нее внимания.

И тут до Цветы начало доходить. Она побледнела, а девчонка кивнула:

– Да, к тебе.

Остаток пути пунцовая Цвета не отворачивала лица от окна.

Как только они зашли в пустынный проулок, ведущий к дому Цветы, та остановилась, повернулась к спутнице и прямо спросила:

– Тебя ведь не видят?

Бесена озорно улыбнулась и кивнула.

– Какие-то чары?

Рогатая пожала плечами, но ее болотные глаза смотрели хитро-хитро.

Цветы, сокрушенно вздохнув, с обидой проговорила:

– Могла бы предупредить, а то выставила дурочкой.

– Да как-то к слову не пришлось, – снова пожала плечами Бесена.

– Надо было мне самой догадаться, раз ты приворот умеешь, – пробубнила Цветы и пошла вперед. – Почему я сразу не подумала об этом: ты тоже знахарка... У вас там, что ли, ведьминский район?

– Я была знахаркой в прошлом, – ответила Бесена, последовав за девушкой. – А живу в другом районе. Но ты привлекла меня, и я отправилась на тебя посмотреть. Меня видишь только ты. Сначала я удивилась, но потом поняла...

– Что я знахарская внучка? – досадливо бросила Цветы.

– Наоборот. Что ты ей не внучка, – опять загадкой ответила Бесена.

Как же раздражала эта ее манера недоговаривать! Бес, знахарка в прошлом или просто какая-то ненормальная...

– Слушай, извини, но, кажется, я передумала, – сказала вдруг Цветы.

Бесена равнодушно развела руками.

– Хозяин – барин. Я тоже не уверена, что у тебя получится.

Цветы прикусила нижнюю губу.

Никогда у нее ничего не получалось, и никогда никто не помогал, чтобы получилось. И вот в кои-то веки предложили помощь, а она теперь сама отказывается. Наверное, она, Цветы, и впрямь с тяжелым характером. Как там говорили маме? Нелюдимая, замкнутая.

Бесена, словно прочитав ее мысли, сказала:

– Ладно, я отходчивая. У тебя дома есть кто?

– Мама на работе, – ответила Цветы.

– Тогда пойдем к тебе, для приворота нужно спокойное место, – решила Бесена. – Ну или можно укрыться в какой-нибудь заброшке. К себе не приглашаю.

– К тебе я бы и не пошла, – заметила Цветы. – Уже договорились ведь у меня.

И тут ей подумалось, что ее рогатая спутница тоже нервничает. Поэтому и ведет себя так странно. Цветы сжала кулаки.

Она явно делает что-то неправильное. Но делать правильное уже надоело – от этого все равно никакого результата.

Дальше до дома шли молча.

– Только у нас собаки, но они ласковые, – предупредила Цветы, уже выходя из лифта. – У тебя же нет аллергии?

– Собаки?! – глаза Бесены испуганно расширились, но тут Цветы открыла дверь, и на лестничную клетку выскочили два лабрадора.

Однако псы не стали вертеться волчками, радостно прыгать на хозяйку и гостью, крутить вертолетно хвостами, словно собираясь взлететь. Лорд и Граф на секунду застыли и вдруг заскулили жалобно, поджав хвосты, после чего неожиданно стали рычать, озираясь по сторонам.

– Граф! Лорд! Успокойтесь!

Цветы затолкала собак обратно в квартиру и через какое-то время снова высунулась:

– Проходи, я заперла их в маминной комнате.

Бесена опасливо заглянула в квартиру:

- Они четырехглазые?
- С бровками, имеешь в виду?

Цвета, как истинная дочь кинолога, в детстве читала в первую очередь книжки о собаках, поэтому она знала о «четырехглазых» – с контрастными пятнышками-бровками. Такие собаки, считалось, видели то, что не могли разглядеть их хозяева.

Цветана невольно хмыкнула, глянув на Бесену. Кажется, здесь четырехглазой собакой была она, раз видела свою спутницу. Но если и лабрадоры учуяли гостью, значит, та не воображаемый друг – уже хорошо.

- Заходи, они не четырехглазые, а обыкновенные. И заперты теперь.
 - Таких я не боюсь, – с облегчением выдохнула рогатая и переступила порог.
- Девушки сразу прошли в комнату Цветы. Бесена удивленно огляделась:
- Ого, как у тебя тут зефирно!

Комнату захлестнули розовый с фиолетовым, и она казалась мультяшной. На окне не ютилось ни одного растения в горшке, мебель была в основном белой, шторы лавандовые. Сюда словно боялись пустить зеленый, или теплый коричневый, или мягкий серый.

Но Бесене у Цветы понравилось. Она с удовольствием отметила на столике тюбик розового блеска для губ с картинкой лесных ягод в капельках воды. Уже скоро он будет ее.

Затем она перевела взгляд на полку, где расположились мишки, сжимающие в плюшевых лапках блестящие сердечки. Один из них сидел на «Сказках» Андерсена. Книга была ветхой, потрепанной и не раз заклеенной скотчем – видно, маленькая Цвета не на шутку увлекалась этими сказками.

Бесена улыбнулась. Она тоже знала эти истории, вернее, их знали люди, чьи души Бесена щипала. И с украденными ниточками душ к ней переходили человеческие знания. В сказках было много правды.

Рогатая снова посмотрела на Цвету. Та сидела на кровати, заправленной покрывалом оттенка ядреной фуксии, и не сводила с нее глаз.

Вот гадкий утенок, гадкий не потому, что с ним что-то не так, а потому что он лебедь, а не утка, – другого рода-племени.

Вот единственный его изъян. И такой же – у Цветы. Но Бесене он оказался на руку.

Цвета, наблюдая, как гостья изучает ее комнату, извинилась:

– Да, я уже выросла из этой зефирности, но ремонт пока не предвидится. Тут мама всё обустроила, когда я еще маленькой была. Совсем девчачья комната. Я другое люблю.

– Ладно, перейдем к делу, – кивнула Бесена. – Я же не в гости пришла. Иголка есть?

Цвета достала с полки маленькую шкатулку:

– Какую тебе? Подлиннее, потолще?

– Поострее.

Цвета протянула Бесене всю шкатулку:

– Выбери сама.

Та спрятала руки за спину и покачала головой.

– Не-не, тебе же колоть. Палец.

Ну вот, они снова дошли до этого.

– Но мне страшно, – хныкнула Цвета и поглядела на беззащитные подушечки пальцев.

У нее снова задрожали от волнения руки.

– Ты должна сама, – упрямо повторила Бесена.

Она больше не хихикала, не кривлялась и даже не улыбалась. Теперь она была серьезна. Шутки закончились.

– Значит, ты все-таки бес, – мрачно проговорила Цвета, не отрывая взгляда от своих пальцев.

Сейчас она взаправду сделает это, как в книжках, проткнет палец и... Что дальше? Распишется кровью?

– Я и не скрывала, – отозвалась Бесена.

– А я, значит, одержимая бесом?

– Пока нет, – все так же серьезно проговорила рогатая, не отрывая взгляда от иглы. – Одержимой будешь, когда в тебе поселится разумная сущность. Я то есть. Хотя вы, люди, бесами кого только не зовете. Я из той породы, которые подселенцы.

– Слушай, – спросила Цвета, оттягивая неприятный момент, – а если тебя вижу только я, то как ты заключаешь договоры с другими людьми? Э-э-э... подселяешься?

– Омут, – ответила Бесена, и Цвета вспомнила, что случайная знакомая уже о нем упоминала. – Он там, где сердце, похож на черную дыру в груди. Через эту дыру я и проникаю внутрь.

Цветана, высматривая омут, машинально склонила голову, почти уткнувшись подбородком в ямку между ключиц. Вспомнились картинки из интернета с сентиментальными фразами о несчастной любви – там как раз изображались человечки с черными дырами вместо сердец. Да, она сейчас тоже так себя ощущала. Конечно, Бесена выражалась образно, но если учесть, что Цвета сейчас болтает с девушкой-невидимкой, которая пришла делать ей приворот, то можно поверить в любую чертовщину.

– Люди говорят, что бесы пробираются в человека через рот, – продолжила рогатая. – Поэтому и прикрывают его рукой, когда зевают, а то и крестят, загоразивая вход к душе. Но это неверно. Бесы попадают в тело через омут – тягучее озеро из тоски, разочарования и других темных, тяжелых чувств. У некоторых омут так велик, что войти туда можно легко, как в ворота. И поговорка есть: «Пришла беда, отворяй ворота».

У других это узкий лаз, а у третьих омут не больше ушка иголки в твоих руках, и проще в него войти верблюду, чем бесу.

– Я, видимо, не из последних, – не удержавшись, заметила Цвета.

Бесена кивнула.

– Когда ты испытываешь то, что люди зовут плохими чувствами, по омуту идут волны, как по реке от теплохода. Волны опускаются сверху вниз, наполняют тяжестью, поэтому и говорят «раздавлен горем». Если наполняешься хорошими чувствами, то по омуту идут круги, как от брошенного камушка, но в обратную сторону, к центру, и омут уменьшается, словно ты засыпаешь его позитивом.

Цвета криво улыбнулась. Позитив – глупое интернетное слово, приторное, как шоколадный батончик.

– И что я чувствую сейчас? – спросила она.

Бесена опустила глаза.

Черное озеро было спокойно и в эту минуту как раз походило на дыру.

– Надежду. Ты доверяешь мне и надеешься, что я помогу, – сказала Бесена, не отрывая от омута взгляда.

По черному озеру пошли круги, и рогатая облегченно улыбнулась.

– Да, иногда нужно просто поверить, – добавила она и снова посмотрела Цвете в глаза. – Я тоже боюсь. По меркам бесов я еще совсем зеленая и ни разу не заключала договор. Ты у меня первая.

Цвета грустно улыбнулась:

– Запомнишь меня, как первую любовь.

Она глубоко вздохнула, зажмурилась и ткнула иголкой в подушечку пальца.

Капля крови упала на ламинат, и Цвета инстинктивно подняла палец вверх. От вида собственной крови на нее нахлынула паника.

А вот Бесена оставалась спокойной.

– Ты спрашивала о плате, – сказала она. – Договор такой: ты одалживаешь мне тело на три дня, а я за это помогу тебе.

– Э-э-э... Чего? – возмутилась Цвета.

Зачем ей приворот, если тело у нее отберут? Да и зачем тогда вообще все это нужно? Рогатая не говорила об отсрочке.

Ну вот, сейчас сказала.

– А вдруг ты по барам будешь шататься? – Цвета попыталась прикрыть испуг шуткой.

– Нет, ничего такого, я буду бережно обращаться с этим телом! – заверила Бесена. – Я просто хочу немного обычных радостей. Знаешь, у бесплотного состояния есть свои минусы, иногда я тоже мечтаю о шоколадке.

– Ладно, – обреченно кивнула Цвета.

Ей нечего было терять. Она не видела своего будущего, вернее, она чувствовала, что его просто нет.

А это был шанс. Возможно.

И она ухватилась за него, как утопающий за соломинку.

– Мне надо расписаться кровью? Где? Бумага нужна? – затараторила Цветана. – Кровь не бесконечна!

Ей хотелось, чтобы это все побыстрее закончилось.

Бесена положила руку на сердце девушки, но на самом деле обмакнула ладонь в омут. Сначала Цвета не почувствовала ничего, а потом явственно ощутила тяжесть ладони беса.

– Мне нужно печать поставить? – продолжала нервно бормотать она, словно в бреду.

– Поставь, – улыбнулась Бесена.

Взяла ее окровавленный палец и приложила к своим губам.

И Цвета провалилась в темноту.

* * *

Девушка в обмороке упала на кровать. Бесена с красным мазком на бледных губах смотрела на нее сверху вниз.

Первый договор, первое тело. И сразу не душа, а дух. Но слишком уж нечисть была похожа на человека, вела себя как человек, даже пахла почти как человек. Еле-еле угадывались влажноватые нотки мха, сырой коры, земли, корней.

Бесена знала, что с Цветой придется трудно. Но она не боялась трудностей, так даже казалось интереснее. Будет чем похвастаться перед другими бесами.

Девочка-семечко.

Подменыш.

Да, знахарки иногда крали лесных детенышей и продавали их бездетным женщинам. Но это же была внучка Глафиры. Знахарская внучка.

Зачем ведьма подсунула девочку-семечко своей же дочери?

Ведь старуха должна была знать, что такие дети не доживают до шестнадцати лет.

Глава 5

Она – кошка

6 октября

– Мам, иди сюда! Я не знаю, что с ней делать! Прицепилась, и все! – прокричал Демьян с порога.

Из кухни вышла растрепанная, раскрасневшаяся от готовки женщина в замусоленном халате. Переводя взгляд с кошки на сына и обратно, она не переставая терла руки полотенцем, словно муха лапку о лапку.

День смущенно кашлянул. Он так и стоял у порога вместе с кошкой, не решаясь пройти дальше в квартиру, словно тоже был неожиданным гостем.

– Кошка? Мы же договорились, – наконец устало выдохнула мать.

– Сначала заведите собственный дом... – пробормотал День.

– А в этом никаких лотков и шерсти не будет! Я и так с уборкой не успеваю, а от вас помощи не дождешься!

В коридор выбежал девятилетний братишка Дня Лешка и сразу взвизгнул восхищенно:

– Ух ты, какая!

День глянул на кошку, словно не видел ее до этого. Совершенно обычная, дворовая.

Лешка подскочил к зверьку и присел на корточки:

– Мам! Можно она останется?

Кошка спряталась за Демьяна.

По мальчишкам сразу было видно, что они братья, и оба походили на мать. Светлокожие и светловолосые, они оправдывали свою фамилию Белые. Только братья были высокими и худыми, а Белая мама низкой и полненькой.

В коридоре пахло котлетами. Они угрожающе шкворчали на кухне, треща жиром, но вдруг вкусный аромат готовящегося мяса сменился на горький и дымный. Белая мама учуяла подозрительный запах и бросилась на кухню.

День снял ветровку и глянул на кошку у своих ног.

– Голодная, наверно. Лех, налей ей молока. Блюдечко у мамы спроси, какое взять.

Демьян предусмотрительно решил, что на младшего брата мама будет меньше бурчать.

– Хорошо! Давай назовем ее Мурка? Давай? Да?

– Посмотрим сначала, что папа скажет, – уклончиво ответил День и растерянно почесал макушку. – Но за лотком я, пожалуй, схожу. Ору-то будет, если она напрудит в ботинки, тогда меня точно выкинут вместе с ней.

Лешка радостно захохотал, словно брат сказал что-то смешное. А День снова надел ветровку.

– Чур, расходы на нее пополам, – заявил он младшему брату, пока тот путался у него в ногах, пытаясь поймать увертливую кошку и забрать ее на кухню.

Лешка на мгновение застыл – он копил на какой-то там конструктор. Но потом глянул на кошку, вздохнул и сказал:

– Ладно, скажешь потом, сколько я тебе должен.

– Тогда я за лотком.

Едва Демьян открыл дверь, кошка тут же выскользнула в подъезд и застыла на лестничной площадке, вопросительно глядя на парня: мол, ты идешь?

– А ты не замерзла? – удивился День. – Вон вся мокрая же!

Он-то думал, что кошка ищет еду и тепло, а она, кажется, реально привязалась к нему. Вот дела! Разве кошки так себя ведут? Он всегда думал, что преданность – удел собак, а кошки гуляют сами по себе.

– Ладно, Найденыш, – вздохнул День, – идем.

И улыбнулся ей.

Вечером с работы пришел Белый папа. Зайдя на кухню и заметив гостью, вернее нового жильца, или, еще точнее, нахлебника, спросил, нахмурившись:

– Что за блоховоз?

Лешка тут же прискакал, запрыгав мячиком вокруг отца:

– Мы ее с Днем полностью... – запнулся, а потом выпалил: – финансово обеспечим!

Белый папа хмыкнул и посмотрел на Белую маму (та пожала плечами), а потом на Демьяна.

– Это так?

– Лоток я уже купил, – проямлил День.

– Куска курицы не жалко, она много не съест, – вдруг сказала Белая мама, видимо, уже смирившись со шпротным жильцом.

– Ну а блохи? Обработали?

День как-то не задумывался о проблемах уличных кошек и теперь лишь пробурчал тихо:

– Завтра куплю.

– А к ветеринару, вдруг она глистная или заразная? Обрастем все лишаем.

– Жень, – с укором проговорила Белая мама.

Лешка сидел на табуретке с круглыми глазами – расходы росли быстрее его доходов.

– Что? Пусть учатся ответственности, раз уж взялись, – отмахнулся отец и придвинул к себе миску с борщом. – Мы же их воспитываем, раз завели, – он хмыкнул, довольный своей шуткой. – А то еще и другое притащат. Мам-пап, это ваш внук, теперь он будет жить с нами.

День покраснел. А Лешка посмотрел на него и прошептал:

– У меня еще остались деньги. И скоро мой день рождения. Мы справимся!

Демьян улыбнулся брату и, ободренный Лешкиным энтузиазмом, кивнул:

– Завтра после уроков сходим к ветеринару. Пап, можно взять твою спортивную сумку?

Я ее потом вымою с мылом.

Родители переглянулись.

– Нормальных мы из них людей воспитали, – довольно пробурчал себе под нос отец. – Ответственных.

Лешка засиял:

– Мы не подведем, пап!

И День тоже кивнул.

Вечером, когда все разбрелись по своим постелям, кошка свернулась на груди Демьяна. Лешка с завистью поглядывал на брата.

– Жалко, что она ко мне не идет, – вздохнул он, надевая пижаму. – Даже гладиться не дается.

Да, это было несправедливо, отметил День, ведь именно Лешка бросился защищать кошку от родителей, больше всех радовался ей и легко расстался с деньгами на все кошачьи потребности, а ведь выдавали ему меньше карманных, чем Дню. И даже уже позвонил однокласснице, чтобы узнать, как выращивать кошачью траву, о которой прочитал в интернете.

Но кошка выбрала не Лешку. Как там говорят – сердцу не прикажешь?

День погладил полосатую спинку, а кошка внимательно посмотрела на него зелеными глазами. Дню показалось, что она очень довольна.

И ему это даже немного льстило.

– Ты ведь понимаешь, что она выбрала меня, – на всякий случай уточнил День у Лешки, – и все равно готов покупать для нее все эти прибабасы и глистогонки?

– Готов, – смиренно ответил брат.

Он взял со стола пустой стакан и отправился на кухню. У Лешки была привычка просыпаться среди ночи и пить, за что в семье его прозвали водохлёбом.

День продолжал поглаживать кошку. Странно, именно сегодня он узнал о пропаже той девчонки, которую обидел, а возможно, даже толкнул на необдуманный поступок. И вот судьба послала ему одинокую кошку в дождь.

– Ты мне карму чистишь? – в шутку спросил День у кошки. – Ведь это хороший поступок – помочь тому, кто нуждается?

«Я здесь за своей второй попыткой, дурень, – подумала Бесена и свернулась клубочком, – я знатно напортачила, так помоги мне, ведь я и правда в этом нуждаюсь».

Глава 6

Девочка-семечко

2 октября

У людей найдется миллион историй о том, как в них вселялся бес. Иногда начинает казаться, что буквально каждый второй имел дело с подселенцем: «бес попутал», «седина в бороду – бес в ребро», «не было печали, бесы накачали». Ну и самая правдоподобная: «Никто беса не видит, а всяк его ругает», – эту поговорку сочинили сами подселенцы.

Людам кажется, что вселяться в них и завладеть душами так же легко, как выпить поутру чашку кофе. Любой же бес возразит, что щипать души – это вам не в супермаркет за пельменями прогуляться. А ведь бесы питаются именно душами: пробираются через омут и щиплют их.

Но временно вселиться в человека – это одно, а завладеть его телом, как говорят бесы, «надеть» – невероятно сложно.

Бесена с восторгом смотрела на лежащую без чувств девушку. Так, наверно, глядела Золушка на прекрасное бальное платье – стоит нарядиться в него, и вмиг превратишься в принцессу.

Особенно в такой розовой комнатке.

Сейчас тело Цветы было лишь мертвой оболочкой. И Бесене предстояло снова его оживить.

Кровь из пальца девушки больше не текла. Черты лица заострились, стали будто бы угловатыми. Наверное, если зарыть пальцы в ее волосы, то уже удастся нащупать пока невидимый взгляду влажный мох. Но это такие мелочи! В остальном тело Цветы было безупречным. И на три дня оно принадлежит Бесене!

Подселенка закусила губу, но, конечно, ничего не ощутила. Совсем скоро она сможет почувствовать это по-настоящему. А еще намазать губы блеском, съесть хлеб с маслом, понюхать влажную осеннюю листву во дворе... Столько всего можно успеть за эти три дня! А если повезет, то и дольше.

Бесена нахмурилась. До этой минуты она думала, что самое трудное – найти подходящее тело, да еще с такой душой, которая согласится его отдать.

Теперь, когда подселенка с легкостью провернула первую часть плана, ей стало казаться, что самое сложное еще ждет впереди. Хотя, может, удача и дальше будет на ее стороне.

Лабрадоры, запертые в соседней комнате, снова завывли.

– Ладно, – сказала Бесена сама себе. – Пора действовать. Мое время уже пошло.

Подселенка стала водить руками над девушкой, ища свою цель.

Мозг – это вотчина разума. Душа же живет в домике, который обычно скрывается в сердце.

Иногда этот домик перемещается, может обнаружиться даже в ногах – тогда говорят «душа ушла в пятки». Иногда он тонет в омуте, но у Цветы Бесена нашла его там, где ему и место.

Подселенка, словно джинн, залетающий в лампу, взвилась дымком и юркнула в омут.

И вот ее рогатая голова показалась из темной тягучей воды уже в другом пространстве. Бесена, пуская ртом пузыри, усталилась на сердечный домик, ютившийся на маленьком островке посреди черного омута.

Подселенке всегда было интересно загадывать наперед форму сердечного домика. Она думала, что у Цветы это будет нечто лесное, может, дупло или ямка в корнях. Что-то радикально отличающееся от ее принцессей комнаты.

Домик действительно отличался. В бордово-красном свете на крошечном островке стоял узкий сарайчик, похожий на строение дачника, у которого только сотка земли, а он еще хочет грядки. Не совсем лесное, конечно, но все же деревянное.

Бесена огляделась в поисках охранника – части иммунной системы, защищающей душу. Того нигде не было, но если бы он и имелся, то все равно не смог бы помочь – омут Цветы уже походил на море, и берега его затерялись вдаль. Черная вода подобралась к самому сердечному домику, почти поглотив остров, на котором тот стоял. Кое-где тягучие волны облизывали стены, и на разохшемся дереве оставались выпуклые капли, похожие на птичьи глаза.

Бесена подплыла к крылечку и, поднявшись, забралась внутрь сарайчика, словно в шкаф – до того внутри было тесно. Но ей места хватило. И хозяйке домика тоже.

Дух Цветаны парил над полом. Карие глаза уже были открыты, но выглядела она оглушенной. Внутренняя Цвета только отдаленно походила на человека, а больше на дерево. Вместо ног у нее были корни, на голове – зеленые иглы, сизый мох и папоротник, словно кусочек лесной подстилки. Кожа была темно-коричневой, блестящей, как отполированное дерево, с темными бороздками трещин. В этих разрывах сияли, словно светлячки, зеленые огоньки, и от них тянулись, оплетая стены домика, длинные мерцающие стебли, похожие на хмель. Где-то они совсем высохли, где-то чуть подвяли, а мелкие листья да крохотные чешуйчатые шишки местами пожелтели, словно в сердечном домике наступила осень. Эти стебли, догадалась Бесена, и были нитями связи, которыми дух пришивался к телу. Раньше она такого не видела. Нити связи человеческих душ походили на мягкую светящуюся шерстяную пряжу.

Больше сомнений не было. Дух, а не душа.

Подменьш.

Ух, вот так история, похвастается потом другим бесам!

В конце октября, когда дни коротки и пасмурны, а ночи длинны и темны, подселенцы сбивались в стайки и устраивали сходбища. Бесена обычно летала на пустырь недалеко от Тихого Омута. В темноте пышно разросшиеся там пшеничнозолотистые метелки вейника казались бегущей водой.

На сходбищах бесы делились своими приключениями и историями людей, чьи души они щипали. Раньше Бесена слышала там о подменьшах, но потом они совсем перевелись, и больше никто не рассказывал о духах в человеческих телах. Только старые бесы могли похвастаться подобной встречей.

А в прошлые времена, бывало, среди людей гуляли слухи о том, как их хороших, красивых детей уносили лесные духи, а взамен оставляли своих – болезненных, глупых, злых, – которые рано умирали или превращались в деревянные чурбачки. Сказка – ложь, да в ней намек. Лесные дети в самом деле редко доживали до взрослых лет – куда чаще они увядали, едва достигнув шести годков, лишь единицы дотягивали до шестнадцати. Когда их приемные матери охладевали к чужим отпрыскам, те больше не могли вить нити связи. У человеческих душ таких проблем нет, они-то умеют вить нити даже из любви к себе.

Но вот о чем все эти истории умалчивали – лесные духи никогда никого не уносили, это их потомство похищали ведьмы и знахарки, ценя подменьшей за возможность принимать любой облик и прорасти в любых условиях, особенно если знать, что нашептать над семечком. Они заговаривали лесных детей, после чего дух в женском чреве обрастал плотью, попадал в ловушку человеческого тела, занимал место души.

И начинал считать себя человеком.

А теперь – внутри оболочки, в сердечном домике – Бесена видела истинное обличье духа.

Девочка-семечко. Древляница.

Красивая сказка о Дюймовочке в жизни оказалась не такой доброй. За Цветой прилетела не ласточка, а бес.

Бесена с любопытством крутила головой. По стенам гуляли тени, похожие на изображения от плохо настроенного проектора. Оборвешь нити связи – погаснут всполохи, и не сможет больше душа управлять телом. Умрет. А если, наоборот, вдруг случилась травма, например, тело потеряло конечность, но ниточка связи еще не успела отсохнуть, – то будет душа ощущать фантом и человеку какое-то время будет казаться, что у него всё на месте.

Кроме мелькающих теней да стеблей, цепляющихся за шероховатые доски деревянных стен, в домике больше ничего не было, даже окон. Бесена привыкла быстро дергать нити душ, сматывать их в клубок и нырять в омут, пока не очухался охранник. В этот же домик она зашла не на минуту и сама не знала, с чего ей начать обживание, словно неожиданно выиграла в лотерею квартиру и вот ей вручили ключи – радостно, да, но и волнительно.

Тут Бесена увидела оборванную нить связи. Стебель не тянулся больше к стене домика, а скрутился у корней древляницы, мелкие листочки его подвляли, но он все еще был жив и слабо мерцал. Другой конец стебля тянулся к кисти подмышка и начинался от сияющей зеленой звездочки под ее кожей.

Эту нить оборвала кровь договора. Нити не терпят членовредительства, поэтому бесы и придумали ритуал с кровью. Единство духа и тела было нарушено.

Бесена подняла свободный конец и снова глянула на девчкусемечко. Еще секунду помедлила, а потом решительно сжала плющ в руке.

Да, ей будет что рассказать другим бесам. Но она надеялась, что не скоро.

Теперь начиналась настоящая борьба.

* * *

Сначала Бесена просто глядела в потолок. Тело оказалось слегка близоруким.

Потом подселенка решила и не спеша, привыкая к этой новой удивительной тяжести, подняла руку и посмотрела на свою ладонь, на линию жизни. У Цветы она была короткой. Но это всего лишь черточка на коже.

Бесена не выдержала и рассмеялась: сухо, скрипуче, каркаяще.

А потом ей стало больно. Впервые за все время существования. Подселенка скрутилась в сердечном домике внутри тела и закричала. Миллиарды нервных импульсов пронзили ее, передавая управление телом и его память.

Нить связи, мигая зеленым, бешено пульсировала и вырывалась, но Бесена, крепко обернув ее вокруг своего запястья, затянула узел. И бес с телом стали едины, хоть еще оставались чужими друг другу. Ведь бес никогда не заменит телу душу.

Но и дух ее тоже не заменит.

Цвета-с-бесом глубоко вздохнула и медленно села.

Вдруг раздалась трель дверного звонка. Лабрадоры в соседней комнате неистово залаяли, словно призывая на помощь.

Пора было подниматься с постели и начинать жить.

Цвета-с-бесом аккуратно встала, держась за спинку кровати. Голова кружилась, и девушку слегка мутило. Еще одно неприятное чувство, но и его нужно было перетерпеть. Пальцы разжались, отпуская металлический набалдашник – украшение кровати, и тут же лихо радочно вцепились в столешницу. Цвета-с-бесом сделала шаг, схватилась за стул, потом за угол комода, уперлась в шкаф и наконец сжала ручку двери. С каждым шагом тело слушалось все лучше, и голова перестала кружиться.

Толкнув дверь комнаты, Цвета-с-бесом на секунду прикрыла глаза.

Цвета в сердечном домике окончательно очнулась. Она не была удивлена, для нее нынешнее состояние не казалось новым. Опять этот сон. Цвета видела, словно издалека, сквозь полупрозрачные стены домика – нет, не омут, а собственную розовую комнату *снаружи*. И эти баг-

ровые всполохи на серых досках она, кажется, тоже раньше иногда мельком видела. Только рогатой в своих снах никогда прежде не была. Бесена с закрытыми глазами парила над полом домика, иногда вздрагивая и шевеля руками. Вдруг она распахнула глаза и сразу же коснулась ногами досок.

– Ох, не так уж и легко! – сообщила она своей соседке.

– На что похоже? – тихо спросила подменыш.

– На что похоже? – задумалась подселенка. – Я словно в первый раз села на лошадь. Училась управлять живым, сноровистым, но в моей власти было заставить ее идти туда, куда я хочу.

Цвету кольнула ревность. Бесена первый раз в ее теле, а уже подчинила его себе. Никаких тебе сонных ступоров.

– Но это тяжело? – не удержалась и спросила она, надеясь себя немного утешить.

– Тяжеловато, – призналась Бесена.

– И ради этого ты заключила со мной договор? Ведь ты даже по комнате еле ходишь.

– С непривычки, – возразила рогатая. – Дальше легче пойдет.

Вдруг Бесена вспомнила разговоры подселенцев на сходках. Они же и про тела рассказывали!

– О! – заликовала Бесена. – Есть хороший способ!

Она пошевелила пальцами. Привязанный к руке стебель запульсировал.

Одна из теней на стене вдруг вздулась, стала выпуклостью, а потом и вовсе отделилась. Перед Бесеной теперь стояла маленькая кукла, похожая на Цвету, вернее, на ее человеческое тело. От куклы к пальцам подселенки тянулись почти невидимые ниточки.

Бесена прикусила губу, нахмурилась от напряжения и зашевелила пальцами. Кроха ожила и чуть воспарила над полом.

– Марионетка? – удивилась Цвета.

– Человек, который придумал эту куклу, явно что-то знал об устройстве души. И наверняка заключал договор с бесом, – хмыкнула подселенка. – С такой проекцией управлять телом мне будет легче. А потом раздобуду еще нитей связи. Или хотя бы выпью живой воды.

– И где ты их возьмешь? – спросила Цвета. – Эти самые нити?

– Не бойсь, не у тебя. Ты и так в этом теле еле держишься, – съязвила Бесена.

– Так откуда? – не унималась подменыш.

Рогатая явно что-то скрывала.

– Зачем тебе? Хочешь потом воспользоваться моим методом? – хихикнула Бесена.

– А могу?

Но подселенка только лукаво улыбнулась.

– Ты мне не скажешь, – поняла Цвета.

От марионетки, своей маленькой копии, подменыш скользнула взглядом по зеленому стеблю, привязанному к руке Бесены, взглянула на собственную кисть – коричневую, деревянную... Взгляд ее растерянно скользнул дальше, и только тут Цвета впервые заметила, что ноги исчезли – вместо них она увидела пучок корней.

– Ты украла мою внешность! – взвизгнула Цвета.

– Стоп! Ничего я не крала! – возмутилась Бесена. – Это твое истинное обличие!

– Это все сон, – пробормотала Цвета. – Я просто сплю. Сонный ступор. Скоро все пройдет!

– Ага, просто спишь, – охотно поддержала рогатая. – И в этом сне ты лесная русалка – древляница. Вместо ног у тебя корни, вместо волос – мох и папоротник, а кожа – как кора дерева. Ладно, мне пора возвращаться наружу, там к нам ломится кто-то.

И, оставив подменыша привыкать к своей настоящей внешности, Бесена вернулась наружу.

Звонок стих, теперь незванный гость колотил в дверь – требовательно, настойчиво. Запертые лабрадоры продолжали откликаться лаем. Подселенка почувствовала, что ее свежеприобретенная голова начинает болеть от этой какофонии.

Хорошо, что большинство действий тело совершало само, повинуюсь многолетней привычке. Мозг бережно хранил библиотеку воспоминаний, и ему было без разницы, кому предоставлять доступ – душе, духу или подселенцу. Бесене оставалось только принимать решения. А сейчас ей хотелось побыстрее открыть дверь и прервать этот шум. Телу тоже.

Поэтому Цвета-с-бесом продолжила свой путь и вышла из комнаты.

С каждым шагом Бесена становилась увереннее. До этого она гуляла только в кошках. Но с кошками было проще, в них Бесена не подселялась, а просила временного приюта. Еду же она добывала, щипая души пьяниц и других потерянных, одурманенных людей. Охранники их сердечных домиков были слабыми, а иногда и вовсе в отключке. Так что справиться с ними ничего не стоило. Временами Бесена шалила: водила пьяниц кругами, укладывала на мох, подкидывая образ теплой постельки, купала в лужах, – но не обижала особо. Не зря говорят: «Пьяному и море по колено». Если пьяниц не станет, кто тогда будет кормить бесов?

Но щипать за душу и быть за душу – это разные вещи.

Тело Цветы привычно открыло замок, и на пороге появилась мощная высокая тетка в синем платье в горошек. «Соседка с верхнего этажа, Ольга», – услужливо подсказало тело.

– Привет, что тут у тебя? – озабоченно спросила синяя гора, перекиривая лающих собак. – Все в порядке? Я слышала, ты кричала.

Цвета-с-бесом виновато улыбнулась и показала красную точку на пальце.

– Укололась.

– А орала так, будто режут, – усомнилась соседка и сделала шаг вперед, напирая на девушку и силясь заглянуть в квартиру.

– Просто все сразу навалилось, – попыталась оправдаться Цвета-с-бесом, стойко удерживаясь в проходе, не уступая ни пяди линолеума напиранию соседке, а сама тем временем лихорадочно листала каталоги памяти, силясь придумать ответ. – Школа любого до седых волос доведет. А крик, говорят, снимает стресс.

– Они тоже стресс снимают? – недоверчиво спросила соседка, имея в виду собак. – Давно уже скулят и лают. Где Вера? На работе?

Цвета-с-бесом прикрыла глаза, и Бесена в багровой красноте сердечного домика умоляюще посмотрела на подменюша.

– Собак еще не выводили, вот и воют, – машинально подсказала Цвета.

В какой-то миг ей захотелось позвать тетю Олю на помощь. Но она понимала по своим снам, что та ее не услышит.

– Еще не выводила, – повторила Бесена вслух. – Не успела. Мама на работе, да.

– А чего ты их в комнате заперла? – не унималась соседка.

Какая дотошная!

– Готовлю обед. Мясо. А они мешают, – Бесена уже и сама неплохо врала.

– Но мясом не пахнет...

Или все-таки врала плохо.

– Спасибо за беспокойство! – быстро проговорила она и захлопнула дверь.

Соседка наверняка вечером привяжется к матери, когда та вернется с работы, ну и пусть.

Бесена сердито открыла дверь к лабрадорам и взвизгнула, оскалив зубы:

– Заткнитесь!

Псы бросились в дальний угол комнаты и спрятались за шторами.

Все-таки бесом она пока была больше, чем человеком.

Глава 7

Дружина

Дружина появилась благодаря Демьяну, как утверждал Ром-Ночка. Хотя, конечно, все это он сам придумал. Назвать их компашку Дружиной тоже предложил Ночка, давно уже. Он говорил, что ему нравится, как слово «дружина» перекликается с «другом».

День смутно помнил, что это какое-то сборище мужиков. Поискав потом в учебнике истории про дружину, он обнаружил, что так называли княжеское войско. Их компании это подходило. Они были войском своего Ночки Князева.

В шестом классе Ночка на уроках без устали трещал со своим лучшим другом и соседом по парте Илюхой, которого позже прозвали Кощеем. Хоть Илюху было нелегко разговорить, но Рому это удалось. Когда у обоих упала успеваемость, классная решила рассадить парочку. Так шепотом Ром оказался за одной партией со спокойным Демьяном.

Мальчишки уже до этого хорошо ладили, а став соседями по парте, и вовсе сдружились. У них даже появилась традиция: по вторникам на перемене между ИЗО и математикой бежать в соседнюю пекарню за пирожным «картошка», а на следующей перемене, перед уроком труда, заглядывать в столовую за чаем. Весь урок пирожные словно подбадривали: «Дотерпишь до конца и получишь сладкий приз». Поэтому перед математикой один тащил рюкзаки в кабинет, а другой несся за провиантом.

Как-то Ночка неделю болел, а потом стал уверять Демьяна, что и очередь в пекарню проболел тоже.

– А чай пить не будешь, что ли? – удивился День.

– Буду, конечно, зачем нарушать традиции? – ответил Ночка.

– Тогда ты за «картошкой». А то получается, что мне третий вторник гонцом быть, – возмутился Демьян.

– А если я снова заболею? – насутился Ночка. – Будешь тогда еще неделю один сидеть.

– Закаляйся, – отрезал День.

Раньше все споры друзья решали игрой «камень – ножницы – бумага», но Ночка обычно проигрывал и злился, поэтому он вдруг подумал сменить тактику и, схватив два карандаша, спрятал за спину.

– Богатыри вырезали липовые щепки и кидали их в реку Смородину. Такая жеребьевка. У нас реки нет, но деревяшки есть. Выбирай! Кто проиграет, тот бежит в пекарню.

– Эта.

День ткнул друга в правое плечо.

Ром вытянул руку и показал белый карандаш.

– Ты, – довольно сказал он.

– Чего это я? – возмутился День.

– Потому что ты Белый.

Ром положил на парту другой карандаш. Он оказался черным. Демьян не знал тогда, в ту первую жеребьевку, взял ли Ночка специально такой цвет или случайно. В то время Ром вроде меньше увлекался черным, хотя День особо не помнил – давно это было, лет пять назад, когда они только начали дружить, да и не интересовался он никогда Ночкиными нарядами.

– А вообще, надо Илюхе и Феликсу тоже цвета присудить, – решил Ночка, довольный своей победой в карандашной жеребьевке. – За теми же чипсами бегать.

– Когда это Феликс бегал за чипсами? – ехидно спросил Демьян.

– Вот пусть и приобщается, – уже тише заявил Ночка, не сводя глаз с Марьи Ивановны.

Та оторвалась от книги и посмотрела на класс, который за своими художествами разгу-
делся куда громче, чем позволяли приличия.

– А «камень – ножницы» чем не устраивает? – подколот друга День.

– Карандаши будут нашими символами, – нашелся Ночка. – Станем тайным братством.
Нет, дружиной!

Мальчишки тогда и не думали, что шутка с дружиной сохранится аж до выпускного
класса, а компания Ночки станет популярной в школе и на Дружину станут равняться другие,
сбиваясь в кучки и тоже называясь дружинами.

А в тот раз шестиклассник День возмутился:

– У меня, значит, белый карандаш? Который самый бесполезный? Такое ощущение, что
в наборы его кладут для количества. На фига он нужен?

– Чтобы рисовать по черному, – серьезно ответил Ром. – Белый день на черном листе.

– Но если я – белый день, то ты – черная ночь, – усмехнулся Демьян.

– Зови меня только не Ночью, а Ночем... О, придумал, Ночным Князем! – решил Ром.

– Ночкой, – фыркнул День. – Будешь Ночкой.

– Как-то совсем по-девчачьи, – обиженно пробурчал Ром.

– Ничё не знаю, – хмыкнул довольный День. – Ночка, и точка. О, я даже стихами заго-
ворил!

Так и прилипло к Рому это прозвище.

Глава 8

Живая вода

2 октября

Цвета-с-бесом открыла холодильник. На нижней полке стояла тарелка с размораживающимся куском мяса. Стейк был бордово-красный, с тонкими прослойками жира, аппетитный и манящий.

Живая вода – еще один способ укрепиться в чужом теле.

Значит, молоко или кровь.

«Но кровь мы не пьем», – напомнило тело.

И Цвета в сердечном домике дернула за стебель, который связывал ее с Бесеной.

– *Даже не вздумай!*

– Ай! – пискнула Цвета-с-бесом и схватилась за сердце. – Хорошо, хорошо!

Она, прищурившись, глубоко вдохнула, втягивая в себя запах мяса. Надо подождать, когда тело привыкнет к ней и подменыш уже не сможет проделывать такие фокусы. А пока Цвета-с-бесом взяла высокую коробку с придурковатой коровой на этикетке.

Следует быть осторожной. Вдруг зайдет Вера или спросит потом, что ее дочь сделала с куском мяса. Можно, конечно, свалить на псов...

– *Не вздумай!* – снова окликнула Цвета из сердечного домика и сильнее дернула за стебель. – *Я вегетарианка, а ты обещала мне беречь тело. Оно не твое!*

– И не твое, – процедила Цвета-с-бесом, отдышавшись после приступа боли.

Хотя пить маленькими глотками холодное молоко и аккуратно кусать овсяное печенье, подбирая пальцем крошки со скатерти кухонного стола, тоже было приятно. Не мясо, но все же...

Бесена с каждым глотком живой воды чувствовала, что по-настоящему становится хозяйкой тела. Вот теперь-то она полностью завладела и разумом. Больше не требовалось представлять каталоги воспоминаний – те сами услужливо развертывались перед ее мысленным взором.

От Бесены к стенам сердечного домика протянулось несколько бус из сверкающих капелек. Это, конечно, не настоящие нити связи, но хоть что-то, теперь будет легче.

Цвета-с-бесом допила молоко, вернулась в свою комнату и села на кровать. Положив руки на голову, она медленно провела ладонями по волосам.

Они были такие гладкие и мягкие. Трогать волосы, собирать их на затылке в хвост и позволять им снова рассыпаться по плечам было приятно. Цвета-с-бесом подошла к зеркалу и сняла с пробковой доски тонкую резинку для волос, накинутую на канцелярскую кнопку. Она отделила небольшую прядь и закрутила ее на макушке. Потом сделала еще один рог. Кривовато, но для первого раза вполне сносно.

Стоя перед зеркалом, подселенка продолжила изучать тело. Оно было прекрасным. Молодым, гибким, здоровым. Холодными подушечками пальцев Цвета-с-бесом провела по мочкам ушей, коснулась век, переносицы с маленькой горбинкой, темного пятнышка родинки на щеке, сухих губ. Наконец-то можно попробовать блеск!

Цвета-с-бесом схватила тюбик, открыла крышку и с наслаждением понюхала, прищуриваясь от удовольствия. Блеск пах не ягодами, а жевательной резинкой, но Бесене аромат понравился. Девушка выдавила розовую перламутровую каплю, размазала по губам и улыбнулась отражению.

Нужно столько всего попробовать за три дня!

Нет, надо сосредоточиться на главном, ведь так хочется остаться в этом теле. Бесене надоел Тихий Омут, ей хотелось пить каждое утро молоко, есть печенье, расчесывать волосы, носить платья. Хотя бы лет семьдесят. А там можно и в Тихий Омут вернуться.

Еще ей хотелось обниматься, обмениваться теплом с кем-то живым. Просто восхитительное преимущество людей!

Хотя почему – с кем-то?

Бесена знала своего принца.

Теперь он увидит ее не в изгибах водорослей, коряг и ряски, а живую и настоящую. Между ними больше не будет пленки воды. Бесена сможет прикоснуться к нему, взять за руку, прижаться и узнать, каким шампунем пахнут его волосы. Почувствовать тепло внутреннего солнца в кольце его объятий, солнца, которое прячется в нем. Которое прячется в каждом человеке. А сейчас – даже в ней... Подумать только, теперь она тоже может дарить тепло!

И Цвета-с-бесом прижала к щекам ладони. Холодные пальцы тут же нагрелись.

Да, сначала дело, а уж потом развлечения. И о подменыше нельзя забывать.

– Я обещала помочь тебе, – сказала Цвета-с-бесом, глядя в зеркало, но обращаясь к древянице, – завтра снова отправимся к твоей бабушке. Но теперь я буду задавать вопросы. Я знаю, что спросить, и ты услышишь о себе много нового.

Глава 9

Дружина. Феникс

Следующим в Дружину позвали Феликса. Тогда он учился в восьмом классе, а после девятого поступил в техникум и подрабатывал в школе системным администратором – тетказавуч устроила.

Феликс не был красавцем: конопатый, с рыжим ежиком волос, длинной шеей, в сочетании с низким ростом и вовсе напоминал гусенка. Но он все равно пользовался популярностью у школьников. Во-первых, Феликс был студентом: уже не ученик школы, но еще не взрослый учитель. Во-вторых, он был властелином компьютерного класса. А в-третьих, Долгополов-отец, заядлый рыбак, как только сыну исполнилось восемнадцать, отдал ему свою старенькую машину. Да не какую-нибудь, а «буханку» небесно-голубого цвета. Внутри уазика помещались две скамейки и столик, так что Феликсу достался почти дом на колесах, вернее «кафешный закуток» на колесах, идеальный для перевозки большой компании. Словом, «избушка на круглых ножках». И парень к тому же никогда не брал денег за бензин.

Раньше Феликс и Ночка были соседями по улице. Долгополовы жили в стареньком доме среди таких же старых зданий, которые постепенно исчезали под натиском новых жилых комплексов. В расселенных домах иногда останавливались цыгане, и ребята пересказывали друг другу страшилки о том, как эти кочевники похищают детей, а Феликс с напускной мрачностью добавлял, глядя на младшую сестру, что продаст ее цыганам, если она так и будет ходить за ним хвостом.

Пустые бревенчатые двухэтажки обычно скоро сгорали. Непонятно, кто их жег: то ли хулиганье, то ли новые владельцы земли. Дома пылали гигантскими кострами, жутко потрескивая, но пожарные не тушили их, лишь поливали водой соседние строения, чтобы те тоже не вспыхнули. Народ внимания на это почти не обращал: разве что подростки без дела глазели да старушки крестились, а старики приговаривали: «Быстрее расселят».

Вот и Долгополовы дождались очереди и переехали в новенький дом ближе к пустырю, тому самому, про который ходили байки, что по осени там резвятся черти. И хотя Феликс переселился, дружба с Ночкой никуда не делась.

В Дружине Феликс получил кличку Феникс, наотрез отказавшись от предложенных вариантов вроде Жар-птицы.

– Еще есть, например, Конь-огонь, – не сдавался Ночка.

Он хотел, чтобы у дружинников были прозвища, связанные с народными сказками и славянской мифологией.

– Феникс – это совсем банально же! – возмутился Ром.

– Я буду банальным Фениксом, – отрезал Феликс. – Мне хватает необычного имени. Да и не все так смелы, чтобы носить девчачьи прозвища.

– Ладно, – сдался Ночка.

И Феликсу присвоили оранжевый цвет огня.

Глава 10

Семейные тайны

3 октября

Глафира срезала последнюю мяту. Та отвоевала целый угол в ее палисаднике и стояла плотной стеной до самых морозов, заглушая не только залетавшие туда сорняки, но и культурные растения, которые знахарка пыталась посадить рядом. Но мяту Глафира любила. Надо было вчера и Цвете предложить чай с мятой: заварить свежий, посидеть по-нормальному да выслушать внучку. Но она испугалась, увидев Цвету. Испугалась за девочку. Она не была готова к этой встрече.

Прошлым вечером Глафира откопала в комодке свою старенькую «Нокиа», потом еле отыскала зарядку и наконец позвонила Вере с вопросом, как там Цвета.

Вера удивилась звонку и сразу спросила, как Глафира сама.

– У меня все хорошо. А Цвета как? – нетерпеливо повторила вопрос знахарка.

– Да нормально вроде, – ответила Вера, – мне немного не до нее сейчас, что-то с собаками... – и замолчала, а на фоне послышался голос Цветы.

Глафира вспомнила, как внучка жаловалась на то, что мать любит своих лабрадоров сильнее, чем родную дочь, и теперь это замечание больше не казалось юношеским максимализмом.

Вера добавила после паузы:

– Привет тебе передает.

Раньше Цвета не передавала приветы. Но и в гости к ней тоже не приезжала. А Глафира не звонила просто так, словно обыкновенная родственница, которая решила узнать, как дела.

Может, зря она волнуется и все обошлось? И Цвета больше не обижается на нее? Может, и про приворот спрашивала не всерьез? Пойми, что там на уме у подростков...

Глафира распрямилась, чтобы поправить съехавший на глаза берет, и тут увидела внучку. Цвета стояла, прислонившись коленями к хлипкому заборчику палисадника и скрестив на груди руки.

Или нет, это была не Цвета, а чужая незнакомая девочка, похожая на ее внучку. И в ее куртке. Не в той легкой ветровке, в которой Цвета была вчера, в другой – ночью похолодало. Но Глафира видела эту куртку на фото.

Вера присылала ей фотографии по электронной почте, хотя у Глафиры не было ни интернета, ни компьютера. Можно было, конечно, за деньги попросить на вечер ноутбук у соседей. Но они Глафиру не жаловали, сторонились, при том что она их не трогала никогда и никак не мешала им. Даже ходила заговаривать воду на пустырь в три часа ночи – в ведьмин час, когда только нечисть гуляет, а люди спать должны. Но соседи все равно не любили ее, как будто инстинктивно избегая.

Приходилось в звенящем трамвае ехать в центр, заходить в боковую дверь университета, спускаться в подвал, где размещалось интернет-кафе – несколько столиков с компьютерами. Знахарка получала от администратора билет, на котором значился номер компьютера. Она садилась перед монитором, доставала из кошелька мятую бумажку, медленно набирала написанные на ней адрес почты и пароль. В такие моменты ей нестерпимо хотелось позвать *родича*, чтобы он быстренько всё сделал за нее. Но Глафира считала это занятие слишком личным, словно она приходила не за фотографиями, а на встречу с самой внучкой. И поэтому упорно нажимала одну за другой клавиши с буквами и цифрами. Она скачивала файлы на флешку, почти не глядя на изображения, потом распечатывала их в фотоателье и спешила обратно домой.

И лишь дома за столом, открывая конверт со свеженькими, только-только из принтера, фотографиями, Глафира расслаблялась и долго разглядывала снимки.

Чаще Вера присылала фотографии, сделанные украдкой, и писала, что Цвета сниматься не любит. Но Глафире такие нравились даже больше – с движением, застывшими секундами обычной повседневной жизни. Все фотографии она бережно вклеивала в альбом...

– Что с Цветой? – Глафира, нахмурившись, глядела на незнакомую девчонку, похожую один в один на ее внучку.

Та мотнула головой.

– Тут она, со мной, – ответили губы Цветы, а ее руки погладили клетчатый шарф. – Догадливая какая.

– Да ты и не похожа на нее, только дурак спутает беса с человеком, – фыркнула знахарка презрительно.

– Или твоя дочь, – сказала Цвета-с-бесом.

Глафира помрачнела.

– Все-таки ты добралась до внучки.

Девушка пожала плечами.

– Просто не отказала ей в просьбе.

– Ты же знаешь, что я сделала бы только хуже! – вспыхнула Глафира, но тут же замолчала: у стен, как известно, тоже есть уши.

– Знаю. Но зачем ты ее вообще украла? – тихо спросила гостя.

Глафира побледнела.

Какой же все-таки Цвета стала высокой и взрослой! Худоватой, конечно, но и она сама, и Вера в ее возрасте тоже были как спички...

Почти шестнадцать лет.

– Не собираюсь отчитываться перед бесом, – прошипела Глафира, уставившись в карие глаза с зелеными крапинками.

У Цветы не было зелени в глазах.

Девушка, приоткрыв рот, задумчиво постучала ногтем по передним зубам, а потом сказала:

– Не кипятись! Мне просто интересно. Я хоть и бес, но не могу знать всё. А бесы славятся любопытством. – Она провела пальцем по сухой древесине штакетины и, видимо, посадив занозу, посмотрела с интересом и начала ковырять ранку.

Глафиру вдруг осенило.

– Из чего ты сделала нити связи? – торопливо спросила она. – Ведь, – знахарка сглотнула, – у Цветы нет души.

– Да, это усложнило задачу, – согласилась девушка, покусывая палец. – Давненько я не слышала историй о похитителях лесных духов. Я расскажу тебе про нити, а ты мне расскажешь, зачем украла девочку-семечко.

– Я не крала ее, – прошептала Глафира.

– Хм, еще интереснее... Тогда расскажи, откуда она у вас взялась.

Знахарка, вздохнув, кивнула.

– Договорились.

Она раздраженно бросила оземь пучок мяты, вымещая злость на беса, и перешагнула через заборчик палисадника.

* * *

В кухне на кране, поверх пробки от вина, теперь еще красовался молочный пакет, надежно перевязанный веревкой. Раньше люди обязательно накрывали крынки с молоком

и ведра с водой крышками. В этом была доля правды: бесы – водные существа. Им нужна жидкость: вода, молоко, кровь.

Цвета-с-бесом покосилась на кран и улыбнулась:

– Напрасно. Я услышала ее раньше, чем вы зашли домой.

– Как так?

– Ты шутишь? Да у нее омут размером с океан! – воскликнула девушка. – Ее отчаяние не услышит разве что глухой бес. Ну а потом Цвета разлила чай...

Девушка погладила клеенку на столе, словно кошку.

Знахарка тем временем вытащила воткнутую в обои иголку и протянула руку:

– Давай сюда палец.

– Зачем это? – подозрительно прищурилась девушка.

– Занозу уберу.

– Только без глупостей, – Цвета-с-бесом оттопырила пострадавший палец и слегка оскандлилась.

– Какой же все-таки звереныш, – вздохнула знахарка.

Но рука принадлежала ее внучке. Это ей она сейчас помогала.

Как много Глафира упустила, пытаясь ее сберечь. Не сберегла. Да и Вера не оценила ее жертвы. Неужто все было зря?

Глафира подцепила занозу и вытащила ее.

– О, спасибо! Так лучше! – признала девушка и плюхнулась на табуретку, на которой еще вчера сидела настоящая Цвета.

Старуха поставила чайник, хотя понятия не имела, чаевничают ли бесы со знахарками. Просто действовала на автомате. И только потом спросила:

– Что-то будешь? Ты вообще ешь? Тело кормишь?

– Кормлю, конечно! – заверила Цвета-с-бесом. – А что у тебя есть?

Глафира открыла холодильник, девушка вытянула шею и тоже заглянула. Несколько яиц, молоко и вареный в мундире картофель.

– Ничего интересного, все это я уже пробовала, – разочарованно протянула гостя. – А можно мне попить? – И она указала на трехлитровую банку с чайным грибом.

Глафира сморщилась.

– Уверена?

Цвета-с-бесом неожиданно встала и подошла к холодильнику. Она взяла в руки банку, где во весь диаметр начал медленно колыхаться, блестя так, словно его щедро обмазали маслом, бледно-коричневый чайный гриб. И вдруг ровный кругляш метнулся к дальней стенке своего аквариума и прилип там к стеклу.

Цвета-с-бесом, глянув на знахарку, захихикала:

– Seriously? Твой *родич* – чайный гриб?

Глафира сурово пожевала губами.

– Жидкость есть, что не так? Хотя мне и такой не нужен, но что уж поделаешь...

– Я в родичах не особо понимаю, своего еще нет, но знаю, что они любят перекидываться кошками, жабами, мышами, а этот прям совсем оригинал, – Цвета-с-бесом снова хихикнула. – Какой-то фрик!

Глафира неодобрительно покачала головой – нахватавшись уже девчонка словечек.

А Бесена сказала в банку:

– Не бойся, я тебя не трону. – И снова глянула на знахарку: – А пить-то этот чайный квас хоть можно?

Глафира пожала плечами.

– Я не рискую. Кормлю же собственной кровью.

Цвета-с-бесом кивнула:

– Я и забыла, как дети зависимы от крови. Маленькие кровопийцы. Да, Цвета мне не позволит, она же у вас вегетарианка.

– Так ты за грибом сюда пришла? – сухо перебила ее Глафира.

– Я пришла за историей.

Цвета-с-бесом вернула банку на место и снова села на табуретку, приготовившись слушать.

– Могу предложить кисель, – вдруг подобрела знахарка.

Подселенка, ерзающая на месте, не в силах даже секунду усидеть спокойно, явно изголодалась по ощущениям: хотела все пробовать, трогать, нюхать. Да, она захватила тело внучки, но когда-нибудь Глафира тоже станет бесом.

Перед знахаркой сидело ее будущее. И она невольно пожалела это существо.

А еще ей хотелось занять руки во время непростого рассказа.

– Кисель и историю, – кивнула Цвета-с-бесом.

Глава 11

Дружина. Жар-птица

У Феникса была сестра, учившаяся на класс младше Ночки. В детстве она все время таскалась за братом, но парни ее уважали. Мари всюю принимала участие в их уличных затеях, бегала с палкой-ружьём, строила штаб-квартиры в деревьях, а в игре «полицейские и маньяки» всегда была полицейским.

В начале мая, когда Дружине уже исполнилась неделя, Ночка объявил Дню:

– Приходи в субботу ко мне во двор, будем играть в бадминтон. Я познакомлю тебя с еще одним дружинником, вернее дружинницей – Жар-птицей.

– Девчонка? – скривился День.

– Ну да, формально она девчонка, – пожал плечами Ночка. – Но воспитанная братом, так что свой парень. Тебе понравится! Она мировая! Мы так и зовем ее – «самая лучшая».

В субботу День явился к дому Ночки. Остальные уже собрались во дворе.

Жар-птица, сидевшая на жердочке качелей, была в джинсах, черной безразмерной футболке и рубашке брата с закатанными рукавами. Свои ярко-рыжие, как и у Феликса, волосы она собрала в высокий хвост. Несколько прядей были заплетены в тонкие косички с разноцветными резинками на концах.

Феникс, помня, что у Дня есть младший брат Лешка, пошутил:

– Мы с тобой товарищи по несчастью! В нас, старших, родители вложили всю душу и фантазию, а на младших уже отдыхали. Феликс – Демьян, Машка – Лешка.

– Не Машка, а Мари, – поправила Жар-птица.

Феникс, прислонившись к опоре качелей, хмыкнул и пояснил:

– Я раньше ее Машкой-какашкой звал, вот она и бесится до сих пор.

Жар-птица ткнула брата в бок и повернулась к Демьяну.

– Значит, это ты День? – Она посмотрела на Ночку. – Из нашей этой самой Дружины?

– Ага, – кивнул довольный Ночка. – Его цвет белый, и фамилия тоже. Он и есть основатель Дружины!

Любил Ром оставаться в тени.

Жар-птица оттолкнулась от земли крепкими ногами в пыльных кроссовках и, подлетев на качельной доске к Демьяну, мимолетно, но дерзко глянула на него.

Пацанка, решил День и улыбнулся.

А потом стали играть в бадминтон два на два: Феникс с Жар-птицей и Ночка с Демьяном.

День вспомнил, что видал Мари в школе, но не присматривался к ней особо. Здесь же, на пустынной парковке между домов, отбивая ракеткой ее резкие подачи, он подумал, что, похоже, Жар-птица действительно самая крутая девчонка, которую он встречал.

Ночка оказался прав.

Она была самой лучшей.

* * *

Цвет Жар-птице Ночка присудил красный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.